С ПРАЗДНИКОМ,
ДОРОГИЕ
ЖЕНЩИНЫ!

ЛАУРЕАТ
ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА
ТАМАРА
ГВЕРДЦИТЕЛИ

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 10 МАРТ 1985

Товарищи К. У. Черненко и Н. А. Тихонов во время голосования.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

«Выборы в Советы народных депутатов — всегда торжественное событие в жизни нашей страны. Это и в самом деле торжество — торжество социалистической демократии. Демократии, которая реально, на практике обеспечивает широкое, заинтересованное участие миллионов трудящихся в управлении государством».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко перед избирателями Куйбышевского избирательного округа г. Москвы.

ЕДИНСТВО И СПЛОЧЕННОСТЬ

Есть среди торжественных дат нашего календаря день, когда мы особенно глубоко, остро и зримо ощущаем свою гражданственность,— это дни выборов в Советы народных депутатов.

Подлинным праздником народовластия стало для советских людей воскресенье 24 февраля, когда десятки миллионов избирателей пришли к избирательным урнам, чтобы отдать свои голоса за кандидатов народа — лучших представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции.

Выбирая депутатов в Верховные Советы союзных и автономных республик, местные Советы, граждане нашей великой Родины продемонстрировали свою единую волю — успешно осуществлять намеченные партией планы коммунистического строительства.

•

22 февраля в Москве, в зале заседаний Кремля состоялось собрание избирателей Куйбышевского избирательного округа столицы совместно с представителями партийных и общественных организаций Москвы, посвященное встрече с кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР — Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Константином Устиновичем Черненко.

Аплодисментами встретили участники собрания товарищей М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, В. В. Кузнецова, М. В. Зимянина, Е. К. Лигачева.

Собрание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

Председательствующий В. В. Гришин сообщил, что Константин Устинович Черненко подготовил речь перед избирателями. По поручению товарища К. У. Черненко его речь была оглашена на собрании.

Присутствовавшие на собрании встретили речь товарища К. У. Черненко с большим удовлетворением и горячими, продолжительными аплодисментами.

Участники собрания с большим подъемом, единодушно приняли приветственное письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу К. У. Черненко.

•

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 10 (3007)

2—9 МАРТА

Москва. На избирательном участке № 9 Фрунзенского района. Фото А. Бочинина

БЕЛОРУССКАЯ ССР

На одном из избирательных участков Минска. Голосует токарь, ветеран войны Дмитрий Иванович Червяков со своей внучкой Леной.

КИРГИЗСКАЯ ССР

ЕДИНСТВО И СПЛОЧЕН

ПРИМОРСКИЙ КРАЙ

Экипаж теплохода «Любовь Орлова» Дальневосточного морского пароходства тепло поздравил бортпроводницу судна комсомолку Елену Лаптеву со знаменательным событием в ее жизни — она первый раз приняла участие в выборах.

На снимке: заместитель секретаря парткома пароходства Ю. Г. Шлыков поздравляет Е. Лаптеву.

ГРУЗИНСКАЯ ССР

Большинство животноводов Советского района Ошской области в день выборов находились со стадами на дальних пастбищах.

На снимке: член избирательной комиссии А. Ашимов у чабанов колхоза «Ленинчил жаш» М. Эргешбаева и А. Мырзакматова.

НОСТЬ

Участники художественной самодеятельности встречают избирателей у избирательного участка в селе Месакциели Мцхетского района.

С ОГРОМНЫМ ВООДУШЕВЛЕНИЕМ ВОСПРИНЯЛИ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ РЕЧЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ТОВАРИЩА К. У. ЧЕРНЕНКО НА СОБРАНИИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ КУЙБЫШЕВСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОКРУГА МОСКВЫ.

ВЛАСТЬ НАРОДА—ДЛЯ НАРОДА

Глядя на людей нашего района, которые семьями шли на свои избирательные участки, я невольно подумал о нашей социалистической демократии. О ней хорошо сказал в своей предвыборной речи Константин Устинович Черненко. Социалистическая демократия — это «демократия, которая реально, на практике обеспечивает широкое, заинтересованное участие миллионов трудящихся в управлении государством». И так же невольно в моем воображении стали картины не такого уж далекого прошлого на земле наших старых городских кварталов, что назывались прежде «Нахаловкой», земле, обильно политой кровью тбилисских рабочих, участников стачек и демонстраций, тайных сходок, профессиональных революционеров и распространителей прокламаций. А вот сейчас их внуки и правнуки открыто и радостно выражают свою горячую поддержку ленинскому курсу нашей партии и дальнейшим благотворным переменам в жизни нашего общества.

О том, какие перемены происходят в решении социальных задач нашего района, я могу сказать хотя бы на примере поселка электровозостроителей. Здесь практически есть все, что должно быть в современном городе: торговый центр, предприятия бытового обслуживания, новый родильный дом, крупнейший хлебозавод. Строится на общественных началах молодежный клуб. Только в этом году появятся восемь новых скверов и спортплощадок, вступит в строй новая станция метрополитена. Все эти дела на виду у советов микрорайонов с их многочисленным активом. Именно они помогают райисполкому решать злободневные проблемы благоустройства и быта. И именно они свидетельствуют о растущей сознательности и общественной активности жителей грузинской столицы. Это одно из проявлений истинной власти народа — для народа.

Теймураз ТОПОРИДЗЕ,
председатель райисполкома
Ленинского
района г. Тбилиси

ЗА НАС НЕ СДЕЛАЕТ НИКТО

Весна на пороге. Радостно, потому что одолеваем очень суровую зиму. И тревожно: сумеем ли управиться весной, чтобы выполнить все задуманное? Настоящему крестьянину по душе такая тревога, тем более нынче. Ведь планы у нас серьезные, и было непростительным легкомыслием думать, что нам и трудности нипочем, и до любого рубежа рукой подать. Дальнейшее движение вперед зависит от нас самих, за нас не сделает никто. Вот и товарищ К. У. Черненко напомнил в своей предвыборной речи о необходимости лучше работать, о том, что уровень жизни зависит от нашей работы. И мы стараемся.

По сравнению с январем прошлого года в нынешнем январе прибавка в надоях составила тридцать килограммов на корову. Основательно готовимся к весне. Вывезли уже по двадцать восемь тонн навоза на каждый гектар ярового клина. А забота забот — о людях. Построили и заселили в прошлом году еще семь домов. Самое отрадное в том, что пополняется колхозная семья. За последнее время тридцать человек попросились в нее, в том числе и вчерашние горожане; четверо ребят вернулись после службы в армии.

Строить бы нам побольше! Но слишком уж много неувязок в строительстве. Для деревни это актуальнейший вопрос. Трудно с материалами, проектами, подрядами...

Большая работа ждет нас. Мы справимся со всеми задачами.

Раиса СНАРОВА,
председатель колхоза «Призыв»

Витебская область.

...ЧТОБЫ ЛУЧШЕ ЖИТЬ

Все, о чем говорится в речи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища К. У. Черненко перед избирателями Куйбышевского избирательного округа Москвы, касается каждого из нас. Мы, рабочие, понимаем, что от производительности нашего труда, стремления сегодня работать лучше, чем вчера, зависит экономическая и оборонная мощь Родины, благополучие советских людей.

Наша специализированная бригада выпускает товары народного потребления. Для нас стали правилом высокая требовательность к себе, самоконтроль, стремление сдавать продукцию с первого предъявления. И только отличного качества. Идет завершающий год пятилетки. Успех ее зависит от того, с каким результатом мы завершим этот год. О себе могу сказать, что я свою личную пятилетку, как и десятки других заводчан, уже выполнил. Но успокаиваться на достигнутом не хочу. Однако, как отмечалось в предвыборной речи Константина Устиновича, улучшение качества потребительских товаров по-прежнему остается актуальной проблемой. Ее решают на нашем заводе и рабочие, и инженерная служба, и рационализаторы, и народные контролеры. Все настойчивее каждый из нас добивается улучшения качества продукции, экономии металла и электроэнергии.

Да, все ближе тот день, когда советский народ, все прогрессивное человечество будут отмечать славный юбилей 40-летия победоносного завершения Великой Отечественной войны. Мы никогда не забудем о страшных потерях, понесенных народами нашей страны в бою с фашизмом. Мы не хотим повторения войны, мы за мир.

А. МУСАБАЕВ,
токарь завода «Электробытприбор»

Алма-Ата.

Телефото М. Аширбаева и А. Кадыркулова, В. Витченко, И. Давиташвили, С. Козлова (ТАСС)

Стратегия развитого социализма

Выход в Издательстве политической литературы книги Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. К. У. Черненко «По пути совершенствования развитого социализма» в дни, когда наша партия и советский народ, готовясь достойно встретить XXVII съезд КПСС, подводят итоги своей созидательной работы в прошедшие годы и намечают новые рубежи общественного развития с учетом как ближайшего будущего, так и коммунистической перспективы, исполнен особого смысла.

В публикуемых в книге речах и выступлениях тов. К. У. Черненко на февральском, апрельском и октябрьском (1984 г.) Пленумах ЦК КПСС, на заседаниях Политбюро ЦК КПСС в ноябре 1984 года и Комиссии ЦК КПСС по подготовке новой редакции Программы КПСС в апреле 1984 года, статье «На уровень требований развитого социализма. Некоторые актуальные проблемы теории, стратегии и тактики КПСС», других материалах проанализированы важнейшие проблемы, на решении которых были сосредоточены в период с февраля 1984 года усилия КПСС и Советского государства. Среди этих проблем прежде всего вопросы улучшения управления и повышения эффективности народного хозяйства, мелиорации земель, укрепления дисциплины, законности и порядка, совершенствования деятельности Советов, реформы общеобразовательной и профессиональной школы, развития творческой инициативы и политической активности трудящихся масс, повышения уровня идейно-теоретической, политико-воспитательной, пропагандистской работы.

Книга продолжает лучшие традиции нашей ленинской партии: давать на каждом крупном, переломном историческом рубеже краткую, но емкую теоретическую формулу, выражающую существо настоящего этапа, своеобразие новых задач, и выдвигать политические лозунги, позволяющие соединить новейшие выводы революционной теории с практической деятельностью масс, идеи и волю партии — с помыслами и волей миллионов. В ней дано научно обоснованное определение достигнутого нашим обществом уровня социально-экономической зрелости, и на этой основе поставлены проблемы творческого обновления стратегии и тактики КПСС.

В книге дается подробное и глубокое разъяснение сделанного КПСС главного в концепции развитого социализма вывода о том, что нашей стране «прежде чем решать задачи, связанные непосредственно со строительством коммунизма, необходимо пройти исторически длительный этап развитого социализма». Последний представляет собой объективно необходимый, длительный этап со своими конкретными ступенями развития нашего общества. Наша страна уже сегодня твердо и уверенно сделала первые и очень важные шаги в его рамках, но предстоит еще сделать большую и длительную работу в соответствии с высшими, самыми требовательными представлениями о социализме, разработанными научной теорией. Эта работа включает в себя решение целого комплекса больших и сложных проблем, относящихся по своему происхождению и характеру к тем или иным ступеням первой фазы коммунизма, и представляет содержание той предстоящей многоплановой деятельности, которую партия определяет как совершенствование построенного в СССР социализма.

Совершенствование развитого социализма, отмечается в статье «На уровень требований развитого социализма», составляет целую историческую эпоху, которая, в свою очередь, будет иметь свои конкретные ступени, свою последовательность, свои сроки. Однако это не означает отказа от коммунистической перспективы. «Совершенствование развитого социализма,— указывает тов. К. У. Черненко,— и есть действительное продвижение к коммунизму. Иного пути к нему нет».

Идеей совершенствования социализма пронизаны все анализируемые в книге проблемы и стороны деятельности КПСС и советского народа. В этой связи большой интерес представляет формулировка основных социальных ориентиров на пути нашего общества «к полному осуществлению социалистического идеала». В качестве обязательного социального ориентира выдвинут прежде всего «высочайший подъем народного благосостояния» на основе обеспечения коренного перелома в повышении эффективности экономики, интенсивности ее отраслей, достижения мирового первенства в области производительности труда, качественного преобразования производительных сил и совершенствования производственных, особенно распределительных, отношений. Исключительно важной в этом контексте является мысль о необходимости усиления взаимосвязи экономического и социального прогресса в нашей стране.

Нашей высшей целью было и остается всестороннее развитие личности. Этот стратегический ориентир определял и определяет заботу нашей партии не только о создании новых производственно-экономических, социальных и политических условий, но и о выработке глубоких знаний, высокой сознательности и культуры трудящихся, начиная с подрастающего поколения. Конкретным проявлением этой заботы явилась реформа общеобразовательной и профессиональной школы, о необходимости и основных направлениях которой тов. К. У. Черненко говорил на апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС.

В русле совершенствования развитого социализма рассматриваются в книге процессы в области социальных отношений, ведущих к становлению бесклассового социалистического общества, расцвету и сближению наций. Особое внимание уделено вопросам совершенствования демократии, реализации огромного потенциала социалистического самоуправления на базе улучшения работы Советов народных депутатов, последовательного осуществления тех широких прав, которыми наделены в нашей стране профсоюзы, комсомол, народный контроль, трудовые коллективы трудящихся.

Красной нитью через всю книгу проходит проблема непрерывного возрастания руководящей и направляющей роли Коммунистической партии в период совершенствования социализма. Путь к возрастанию этой роли, указывает тов. К. У. Черненко, лежит не через ограничение диапазона деятельности партии какой-либо одной сферой, к чему призывают антикоммунисты, а, напротив, через расширение партийного влияния на все стороны нашего общества. Интересы рабочего класса, всех трудящихся, которые выражает КПСС, невозможно свести ни к чисто экономическим, ни к чисто социальным или идеологическим. Необходимость расширения влияния КПСС в обществе еще более возрастает на этапе, когда социализм, вступая в пору своей зрелости, обретает свойство целостной системы и взаимосвязь, взаимозависимость экономических, социально-политических и духовных факторов становится тесной как никогда. Партия должна постоянно улучшать свои методы политического воздействия на развитие экономики, социальных отношений, демократии и культуры через разработку узловых направлений социально-экономической политики, контроль за ее осуществлением, подбор и расстановку кадров.

Большое место в книге занимают вопросы идеологической работы, внесения социалистического сознания в массы. Как пишет тов. К. У. Черненко, без прочного освоения трудящимися идеологии и морали рабочего класса, глубокого понимания политики КПСС, ее стратегического курса на совершенствование социализма немыслимо крепкое идейно-политическое и социальное единство общества, сплочение народа вокруг партии. Только на основе высокой идеи, выражающей перспективу общественного развития, коренные интересы людей, и можно добиться подлинной организованности и сознательной дисциплины в партии и обществе.

Осевой в этом контексте является мысль тов. К. У. Черненко о необходимости осуществления «переориентации общественного сознания», направленной на формирование у каждого советского человека ясного понимания масштабности и сложности задач совершенствования развитого социализма, готовности и умения выполнять их, действуя энергично, инициативно, с максимальным результатом. При этом речь идет не только о том, чтобы теоретически освоить новые идеи. Продвижение к коммунизму происходит не автоматически, не стихийно, его ру-

бежи, высоты, сроки осуществления в решающей степени зависят от результатов деятельности всего народа, каждого человека. Поэтому жизненно важно поставить дело так, чтобы с учетом этих идей строилась вся работа партии, советских и хозяйственных органов, общественных организаций на всех уровнях и повсеместно.

В книге показывается, что после июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС накопились позитивные изменения в идеологической работе. Но, указывает тов. К. У. Черненко, необходимо еще многое сделать, чтобы содержание, оперативность, формы и методы идейно-воспитательной работы, политической пропаганды отвечали запросам советских людей, задачам совершенствования развитого социализма, наступательной борьбы против буржуазной идеологии. Нельзя забывать, что любые здесь огрехи классовый противник стремится использовать для протаскивания в нашу среду чуждых социализму взглядов и ценностей. Мы должны и впредь воспитывать граждан Страны Советов, нашу молодежь в духе советского патриотизма и пролетарского, социалистического интернационализма, верности Отчизне, идеалам Великого Октября.

Разрабатывая стратегический курс на совершенствование развитого социализма, КПСС всегда учитывала международное положение. Реализация этого курса находится в прямой зависимости и от того, удастся ли человечеству избавиться от угрозы мировой ядерной войны, насколько активны и согласованны будут совместные действия социалистических стран, насколько глубоко будет развиваться интеграция и укрепляться их союз, расти и углубляться солидарность с народами, сбросившими ярмо колониальной зависимости и вступившими на путь самостоятельного развития, и особенно с теми народами, которым приходится отражать атаки агрессивных сил империализма, создающего то в одном, то другом районе мира опаснейшие очаги кровавого насилия и военных пожаров. Тов. К. У. Черненко ярко и убедительно характеризует внешнеполитическую деятельность КПСС и Советского государства как классовую, честную, наступательную, чуждую конъюнктурных колебаний, миролюбивую политику, направленную на обеспечение мирных условий для совершенствования развитого социализма в СССР, победы социализма, демократии и мира на Земле.

Книга Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. К. У. Черненко «По пути совершенствования развитого социализма» представляет крупный вклад в разработку концепции развитого социализма. В ней воссоздается яркая картина теоретической и практической деятельности КПСС, созидательной работы советских людей на этапе развитого социализма. Она помогает разобраться в сложных вопросах внутреннего и международного положения СССР, вызывает чувство гордости за Коммунистическую партию, советский народ, зовет к новым свершениям на благо социалистической Родины, мира на Земле.

В. НИКИТИН,
профессор,
доктор философских наук

●

СОВЕТСКИЕ ХАКИМЫ В АСОСЕ

С «Крещатика», обсаженного молодыми эвкалиптами и пальмами, я свернул на «проспект Мира» и далее по «аллее Дружбы», минуя «Сумскую улицу», вышел к воротам, где развевались государственные флаги Советского Союза и Эфиопии. Между ними белый стяг с красным крестом. Отсюда начинается «Киев в Асосе», как назвали местные жители эту территорию.

Нещадно палит африканское солнце, ноги утопают в вязкой красной пыли, а с «Крещатика» доносится русская и украинская речь. «Киев» с его 78 палатками преобразил саванну в районе небольшого городка Асоса на северо-западе провинции Воллега. Здесь во второй половине января раскинул свои палатки советский полевой госпиталь, присланный по решению Советского правительства.

Как известно, Эфиопию поразили жестокая засуха и голод. Были зарегистрированы случаи тропических заболеваний. В сложившихся условиях перед советскими врачами поставлена задача оказать помощь в борьбе с возможными вспышками эпидемии.

— Основной костяк нашего коллектива составляют медики из одиннадцати городов Украины,— рассказывает главный врач госпиталя Николай Владимирович Ермоленко.— Неудивительно поэтому, что все аллеи, разбитые вокруг жилых палаток, поликлиники и стационара, носят названия улиц украинских городов. Через три дня после прибытия в Асосу госпиталь полностью был готов к приему первых больных: приступили к работе терапевтическое, хирургическое, акушерское, инфекционное, педиатрическое и санитарно-эпидемиологическое отделения. В журнал регистрации занесено имя первого пациента. Им оказался Иендальчеу, житель из далекой деревни, прошагавший несколько десятков километров в поисках исцеления у русских хакимов, как здесь называют наших врачей. И хотя в госпитале нет родильного отделения, врачам пришлось принимать роды у молодой матери, которая, уже выписываясь, попросила дать имя ее сыну. Так кареглазого мальчугана нарекли русским именем Сережа, о чем и была сделана соответствующая запись в журнале.

На одной из скамеек я увидел рано поседевшего молодого мужчину, а рядом худенькую девочку. Их страшные испытания известны всем 167 врачам, медсестрам, работникам технических служб: семь суток без воды и пищи добирались они из провинции Тигре в Асосу. Когда отец передал 8-летнюю Гудею Тесфайе на руки советским врачам, девочка не подавала признаков жизни. Клиническая смерть наступила на подступах к госпиталю. Заведующий реанимационным отделением Виталий Николаевич Полищук и ведущий педиатр госпиталя Светлана Максимовна Донде, несколько суток не отходившие от Гудеи, дважды возвращали ее к жизни, а затем выходили.

Асоса не случайно выбрана местом расположения советского госпиталя. Вокруг городка с 5-тысячным населением раскинулись плодородные земли и манговые рощи. В радиусе 90 километров от Асосы решением эфиопского правительства создано 41 поселение, где уже размещено свыше 100 тысяч человек, прибывших из засушливых районов провинции Волло и Тигре. Каждое утро бригада советских медиков отправляется в один из таких пунктов, где прямо под открытым небом проводит прием больных. Большинству из них помощь оказывается непосредственно на месте, а тяжелобольных санитарная машина доставляет в госпиталь.

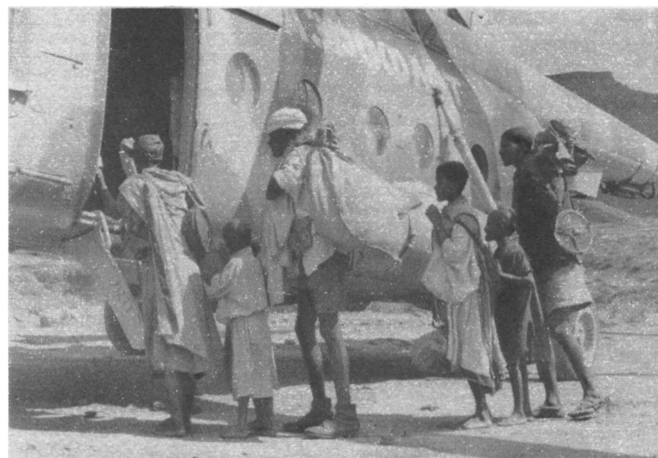
С одной бригадой, которую возглавлял днепропетровец Петр Николаевич Баксум, я побывал в поселке Мегеле-1. В бригаду входили старшая сестра киевлянка Анна Алексеевна Базилева и фельдшер Инсармо Джелду. Не успели медики разложить инструменты и лекарства, как возле передвижной клиники выстроилась очередь из 400—500 человек.

— Всего в поселке проживает 1649 человек,— рассказал председатель крестьянской ассоциации Саид Шибаши Хасан.— Все мы раньше жили в районе Иеджу в провинции Волло. Засуха и голод вынудили нас покинуть родные места, где в течение четырех лет не было дождей. Часть домашнего скота погибла, а то, что осталось, у нас закупило государство. Нас привезли сюда не на голое место. Для переселенцев жители Асосы построили 425 бамбуковых хижин. Здесь мы создали крестьянскую ассоциацию, приступили к вспашке полей, роем ирригационные каналы. Комиссия по оказанию помощи и восстановлению регулярно направляет в наше и другие поселения продовольствие, посуду, одеяла, другие предметы первой необходимости. Единственное, что сейчас беспокоит нас,— это болезни взрослых и детей. Надеемся, что советские врачи большинству из них вернут здоровье.

Пока мы беседовали, прошел час. За это время бригада приняла 22 пациента. «Очень много случаев кишечных, инфекционных заболеваний, а также пневмонии,— сказал мне П. Н. Баксум.— У многих от недоедания истощен организм».

По возвращении в госпиталь от Н. В. Ермоленко я узнал, что за 20 дней с начала работы советские врачи побывали почти в 30 поселениях, приняв за это время свыше 10 тысяч больных. В тот же день у меня состоялась беседа с заместителем министра здравоохранения Эфиопии Гетачеу Тадессе, специально прилетевшим в Асосу, чтобы выяснить, какая помощь нужна госпиталю для нормального функционирования.

— Советские врачи нынешнего поколения,— заявил он,—с честью продолжают славные традиции, заложенные в конце прошлого столетия российскими медиками, также прибывшими в страну в труднейшую минуту ее истории. Они были организаторами первого госпиталя в Аддис-Абебе, и благодарные жители столицы в память о них назвали улицу, где располагался палаточный госпиталь, Русская. За короткий срок в Асосе медицинский персонал провел уже огромную работу. Эта миссия доброй воли, поверьте, также навсегда останется в памяти нашего народа. Важно отметить, что ваши врачи не только лечат и оперируют, они успешно передают свой богатый опыт эфиопским коллегам, на месте готовя наши национальные кадры.

Эвакуация эфиопских крестьян на советском вертолете из районов, пораженных засухой.
Фото А. Елманова (ТАСС)

Мы улетели из Асосы в воскресенье. Но, несмотря на это, госпиталь продолжал работу. Из иллюминатора вертолета было видно, как в разных направлениях неслись санитарные машины, а по главной дороге в сторону Асосы четкой колонной везли переселенцам продовольствие ЗИЛы.

Эдуард БАБАЗАДЕ,
соб. корр. АПН,
специально для «Огонька»

Асоса — Аддис-Абеба.

Когда, как не сегодня, поговорить о настоящем женском счастье! На эту тему наши корреспонденты В. Морозова и Л. Наточанная попросили высказаться женщин разных профессий.

Ирина АЛФЕРОВА:

«РАДОСТЬ — В ТВОРЧЕСТВЕ»

Вы, конечно, помните Дашу Булавину — героиню трилогии А. Толстого «Хождение по мукам»? Нравственная сила, чистота, обаяние молодости... Каждая актриса мечтает сыграть такую роль. Но когда на телеэкране появилась тринадцатисерийная экранизация В. Ордынского, в роли Даши выступила дебютантка, вчерашняя выпускница ГИТИСа Ирина Алферова.

Сегодня И. Алферова — актриса Московского академического театра имени Ленинского комсомола, где играет и ее муж Александр Абдулов. Часто их называют самой красивой молодой театральной парой.

— Если быть откровенной, не очень люблю этот наш праздник, хотя он почти совпадает с моим днем рождения. Уж както очень нарочито вспоминают в этот единственный день о том, что мы женщины. Хочется, чтобы тебе об этом напоминали всегда, и, в свою очередь, приятно самой дарить людям улыбки, радость, счастье, любовь. Так утомительно скучно быть просто ровней мужчине, быть выносливой, сильной — и стоять в метро перед сидящим с газетой молодым человеком.

В Даше Булавиной мне виделись прежде всего гармония, физическое и нравственное совершенство, возвышенность мыслей и чувств. Даша теперь всегда со мной. Кажется, она даже на характер мой повлияла, на мое отношение к искусству, жизни вообще...

Констанция в «Трех мушкетерах», женщина озорная, кокетливая, решена была Ириной совершенно в ином ключе. Затем Катя в фильме «С любимыми не расставайтесь», Кира в паре с Олегом Далем в «Незваном друге».

Графиня Скавронская в фильме «Багратион», главные роли в фильмах «Помнишь ли ты», «Пароль знали только двое», «Грубая посадка», «Семь стихий», «Любовные письма с умыслом» югославского режиссера Берковича — работы Алферовой буквально последних дней.

— Женское счастье. Каждая из нас хочет его. Очень завидую тем, кто посвятил себя главному в жизни женщины — семье, детям, воспитанию их. Моей десятилетней Ксюше не очень повезло. Я не самая домашняя мама. Главная моя радость — в творчестве. Когда я на подъеме, в горячке, как говорим мы, актеры, тогда и домашняя работа мне милее: пекутся пироги, в руках все спорится, квартира блестит и сверкает. И еще точно знаю: счастье — это не покой, лучше страдание, слезы — в них тоже жизнь, жизнь души.

Мы сидим с Ириной в дальней комнате, уединились... Звонит из театра Саша: хочет купить пирожных к чаю. Просовывается в дверь нетерпеливая белокурая головка Ксюши. Из кухни доносится запах пирогов, испеченных двумя мамами — Сашиной и Ирининой, приехавшей из Новосибирска, радостным визгом встречает гостей смешная ласковая собачка Авоська. Все. Пора прощаться с этим теплым, милым домом, полным нежности и любви.

Эрика САЛУМЯЭ:

«БЕЗ ПОБЕДЫ ПРОСТО НЕЛЬЗЯ»

— В августе этого года в Италии состоится чемпионат мира, там будет моя основная соперница, американка Конни Параскевин. Вот если ее побью, то сбудется самая большая мечта. А вообще мне моя жизнь нравится. Ощущение радости, счастья дает мне скорость, хорошее время на дистанции.

Эрике Салумяэ двадцать два года, она мастер спорта международного класса по треку и шоссейным гонкам, чемпион Всемирной универсиады в Канаде 1983 года, семикратная рекордсменка мира, призер чемпионата мира, где она заняла второе место.

— Как выглядит идеально счастливая женщина? Мне трудно судить об этом. Я еще не замужем, а без семьи, детей женщине, наверное, невозможно почувствовать себя счастливой. Но я и мои подруги считаем, что стать просто замужней — этого мало. Когда ты сама состоишься как личность, добьешься чего-либо, только тогда ты можешь рассчитывать на какую-то наполненную жизнь. Мне это лично больше всего нравится. А победы на треке... Без них просто нельзя, я же спортсменка.

Лидия БАКУЛЕВА:

«ВСЕ ОТДАВАТЬ ЛЮДЯМ»

Родители когда-то пошутили, что можно поликлинику у них на дому открывать: из шести дочерей четыре — врачи разных специальностей. А «заразил» всех любовью к медицине дядя, известный на весь мир академик А. Н. Бакулев. Теперь и внук одной из сестер, Лидии Павловны Бакулевой, доктора медицинских наук, профессора, заведующей 1-й кафедрой акушерства и гинекологии Центрального ордена Ленина института усовершенствования врачей, поступил в медицинский. Династия!

Лидия Павловна устала после трудового дня, но даже дома то и дело звонил телефон: требовали консультации, совета. «Роддом, больница — беспокойное хозяйство»,— улыбается она. Еще в сорок первом, когда враг подступал к Москве и студенткой-первокурсницей медицинского института в госпитале работала санитаркой, поняла, как нужна ее профессия.

— Счастье женщины, помоему, когда ее удовлетворяют работа и семья. Женщина должна быть хлопотливой хозяйкой и заботливой матерью.

О себе еще могу сказать, что очень люблю природу. Истинное удовольствие для меня — заниматься цветами, садоводством... Но (Лидия Павловна вздыхает)... времени маловато...

Да, если не хватает времени у Бакулевой-женщины сходить на концерт, пошить, похозяйничать на кухне, просто тихо посидеть у телевизора, значит, Бакулева-доктор помогла кому-то появиться на свет, кого-то избавила от тяжелого недуга. Такая уж профессия врача, такое его счастье.

Все отдавать людям!

Лариса ТАРАКАНОВА:

«СЧАСТЬЕ, КОГДА ТЕБЯ ПОНИМАЮТ...»

— В детстве нравилось: 8 Марта поздравляли женщин, дарили им цветы...— признается поэтесса Лариса Тараканова.— Мама говорила: «Погоди, станешь настоящей женщиной, это будет и твой праздник». Теперь грустно. Стала взрослой и поняла, какая это нелегкая миссия — быть женщиной... Но и радостная, особенно когда пишу, творю.

Лежат на письменном столе ее поэтические сборники: «Птица воображения», «Дитя мое», «Большая перемена», «Это — я». Последний удостоен премии имени Н. Островского. Почему в книжках поэтессы много стихов о женщине на войне? Лариса отвечает:

— Они навеяны воспоминаниями моей мамы о войне, куда пошла добровольно в шестнадцать лет и стала санинструктором. Вытащила с поля боя не одну сотню раненых.

Она даже написала книгу о войне «Если ранили друга», хотя по профессии строитель.

О матери Лариса говорит более охотно, чем о себе. Гордится ею.

— Считают, счастье, когда тебя понимают. Даже в наш деятельный век это немало. Хотелось бы, чтобы не только согласно кивали, но и подставляли плечо.

А я судьбы не выбирала...

Зоя ГРАЖДАНСКАЯ

ЖИВАЯ ВОДА

А мне опять не спится:
Цветут сады...
Достаньте мне напиться
Живой воды!
От мертвой — сохли долы,
И лес сомлел.
От мертвой — выли вдовы
По всей земле.
Довольно мертвой, красной
Воды-беды!
Найти б источник ясной,
Живой воды!
Она как будто плещет
Вблизи — вон там!..
Под лунным взглядом блещет
Ручей-фонтан.
Она бежит все шибче
Через сады...
Достаньте мне кувшинчик
Живой воды!

ЕВПАТИЙ

Гулко Евпатия звали
Ночью через леса
Вырезанной Рязани
Мертвые голоса:
— Где ты, наш лучший воин?
Все собираешь дань?
Только метели воют
Там, где была Рязань!
Нет нас, ни старых, ни малых:
Всех нас конец настиг...
Где ты там, в снежных завалах?
Сгибни, но отомсти!
Девы да жены младые
Угнаны без числа.
Только ушла от Батыя
Та, что всех краше была.
Федорова Евпраксея
Кинулась óземь с дитем...
Ждали тебя на веселье —
Нынче для мести ждем!

— Братья, почто мы живы! —
И повернул через лес
С малой своей дружиной
Хану наперерез...

Москва.

Аминат АБДУЛМАНАПОВА

●

Твой джигит
Не вернулся с войны.
Ты состарилась верной невестой.
Нерожденные ваши сыны
Вместе с милым убиты под Брестом.
Только ветер тебя целовал,
Только ночи тебя обнимали,
Но твой взгляд просветленный не стал
Средоточьем тоски и печали.
Ты не ждешь состр663данья к себе,
И лекарством любви и участья
Исцеляешь всех тех, кто слабей,
Кто не знал ни удачи, ни счастья.
А своей не гневишься судьбой —
Твой джигит
Был все время с тобой.

ДЯДЕ РАБАДАНУ

Ты сорок лет разыскиваешь братьев.
Обходишь обелиски все подряд,
Где под звездой,
Исполнив долг свой ратный,
Солдаты неизвестные лежат.
Мой добрый дядя,
Рыцарь седовласый,
Ты в грозный час слезинки не пролил,
Не отступал под пулями ни разу,
А нынче часто плачешь у могил.
Израненный, контуженный, увечный,
Стоишь, открытый людям и ветрам,
Как памятник из боли человечьей
Погибшим и живым фронтовикам...

Перевел с даргинского
Валерий ЛАТЫНИН.

Нина НОВОСЕЛЬНОВА

ТЕЗКА ТВОЙ

(Внуку Алеше)

Не о себе пишу! Как о святыне —
О дружбе грозных, незабытых лет.
Ведь эта дружба наша и поныне
Спасает нас от горестей и бед.
Девчата!.. У «девчат» давно внучата,
Но, юности своей они верны,
Они сквозь годы видят, как солдаты
Идут, идут дорогами войны.
Смотрите, как серьезен мой Алешка,
Когда мы с вами плачем и поем...
Кленок мой светлый! Вот еще немножко,
И ты услышишь строгое: «Подъе-ем!»
Солдатских буден — не из легких! — ноша
И внука моего не обойдет.
Но у кого просить, чтоб мой Алеша
Не ведал наших — грозовых — забот?
Но если грянет смерч огня и стали,
Ты будешь там, где нужен верный щит,
Ты будешь помнить, что на пьедестале
Геройский парень — тезка твой — стоит!

У КОСТРА

Владимиру Константиновичу, геологу и поэту

У костров, сияющих, как стяги,
Поэтапно завершив маршрут,
Собрались бродяги-работяги,
Те, что рудознатцами слывут.
Варят суп из фирменных консервов,
Рядом пахнет «фирменной ухой»,—
Камень-парни! Первыми из первых
Шли они тропинкою глухой.
Камень-парни! А сердца не камень,
В них своя, закрученная нить.
Долгими, густыми вечерами
Нужно им не петь, так говорить.
И тогда сердца себя раскроют,
Вроде б не поют, а говорят,
Как глухой, неведомой тайгою
Пробирался маленький отряд.
Как шумит-бушует непогода,
Айсбергами тучи залегли...
На последний, трудный день похода
Парни эту песню сберегли.

Москва.

Эмма МАРЧЕНКО

ЗВЕЗДА

Тень отца витает надо мною,
А ведь столько лет с войны прошло!
Но могила с красною звездою,
Словно шлем, скрывающий чело,
Память, снова уподобясь чуду,
Возвращает мне его черты.
Так ракета, вспыхнув на минуту,
Вырывает степь из темноты.
Так она, вися над горизонтом,
Освещает дальнее село...
Помню все, что написали с фронта
Об отце товарищи его.
Что Отчизну заслонил он грудью,
Что мечтал в то утро, до стрельбы,
Чтобы жизнь моя своею сутью
Повторила суть его судьбы,
Чтоб моих решений и свершений
Трусость не коснулась никогда...
С каждым годом для меня священней,
Памятней отцовская звезда.

ИМЯ ДЕРЕВА

Непогода во владенья лета
Ворвалась, доспехами звеня.
Помню, как от ливня и от ветра
Защитило дерево меня.
И одно теперь меня печалит,
Лишь припомню к морю спуск крутой:
Не спросила я, как величают
Дерево с раскидистой листвой.
Словно я, напуганная ветром,
У камней, где плещется залив,
Повстречалась с добрым человеком,
Как зовут его, спросить забыв.

Ярославль.

Сурайя САРТАКОВА

НАДЕЖДА

Ты — гордая вершина,
я — утес.
Меж нами — даль.
Но в облаках, как прежде,
среди обвалов, снегопадов, гроз,
мы рядом
в ожиданье и надежде.

●

В танце осыпаются с тоскою
поздние цветы средь тишины.
Спит луна на облачке спокойно,
за собой не ведая вины...

Ветер долетает с перевала.
Слышен тихой песни перелив.
...О любимом строки напевала
я на старый горестный мотив...

Перевел с алтайского
Р. БУХАРАЕВ.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Е. РОМАНОВА,
лауреат премии Ленинского комсомола

Помню первую встречу с Майей Табака. Это было в 1977 году в Третьяковской галерее. В толкучке вернисажа выставки автопортретов на меня со стены экспозиции взглянуло благородное лицо девушки. Она пытливо смотрела на нас. И взгляд ее раздумчивых глаз, строгая одежда, жест руки, словно вопрошающий о чем-то, для нее не до конца решенном, но дорогом,— все говорило о натуре тонкой и талантливой.

Колорит «Автопортрета» Майи Табака сдержанный и почти классичный, выдержан в золотисто-коричневой гамме. Даровитость художника сквозила и в рисунке, и в ритмическом строе композиции небольшого, но влекущего гармонией и духовностью холста.

Несмотря на великолепное окружение автопортретов классиков русской и советской школы, полотно художницы запало мне в сердце.

С той поры я стала присматриваться и искать на выставках ее работы. И не ошиблась. С каждой новой картиной молодой в то время латвийской художницы я все больше и больше чувствовала своеобразие и какое-то особенное обаяние ее интересно задуманных и решенных композиций. В них ощущался глубоко национальный, присущий латвийскому искусству, сдержанный и острый сюжет. Главная тема ее полотен — природа и человек, его духовный мир, контрасты настроений: радости и грусти, восторга и печали. Произведения Майи Табака обладали еще одним бесценным качеством — они звучали. В них слышался говор волн Балтийского моря у берегов Юрмалы, где она писала свои холсты, шорох трав зеленых лугов, полей родной земли. Порою в картинах можно было услышать саму народную латвийскую песнь, озорную шутку. Словом, полотна Майи вызывали желание постоять, послушать голос ее творений и подумать, помечтать, улыбнуться или пофантазировать вместе с автором.

Позже я узнала интересную творческую судьбу художницы, записанную ею самой.

У ее матери в шкафу хранится шкатулка со старыми фотографиями. Там дед с бабушкой со стороны матери — бедная елгавская рабочая семья, пришельцы из деревни, там и дед с бабушкой со стороны отца. Мать — швея, отец — инженер, окончивший два института. Первый — в Москве, второй — в Риге: в буржуазной Латвии его московский диплом не признали действительным. Отца считали «красным». После Великой Отечественной войны он с большим энтузиазмом принялся за восстановление города. По его проекту был проведен первый водопровод через Даугаву, и город получил питьевую воду. Жили они тогда все в загородном доме, семья имела огород и могла держать мелкий скот. Целыми днями Майя с детской компанией «паслась» во дворе, на речке, много фантазировала, шалила, каталась на лыжах, коньках да еще каким-то чудом успевала хорошо учиться. Никакого специального среднего художественного образования она не получила, ходила в обычную школу. Родители считали, что такие способности к рисованию, как у нее, есть у каждого третьего ребенка. Но отец все-таки отвел Майю в кружок рисования при Дворце пионеров. В то время там преподавал Аусеклис Баушкениекс. Учеба у него проходила весьма непринужденно. Он очень проникновенно разъяснял принципы искусства импрессионистов, построение теплохолодных отношений цвета, светотени, а все остальное уж зависело от способностей ученика. Часто их было всего двое — он и Майя. Ей было жалко, когда ученики не приходили на занятия, она же старалась не пропускать ни одного. Шло время. В школе Майя занималась в драмкружке, играла комические роли. Все считали, что она станет актрисой, но девушка поступила в академию художеств... Для того, чтобы приняли — она умела работать только акварелью,— пошла на факультет графики. Но удовлетворить ее это не могло, хотя позже Майя была счастлива, что научилась рисовать. Все-таки ее тянуло перейти на живописный факультет, но техника владения красками еще не позволяла сделать это. Пришлось уйти. Начались «странствия»... Карикатурист Угис Межавилкс помог с мастерской, и она написала первые самостоятельные картины: «Автопортрет», «Портрет И. Ланцманиса», «Интерьер» и другие. Временами работала в гостинице, на турбазе, на археологических раскопках. Копировала в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве Терборха и других мастеров. Затем пришло время вернуться в академию, куда Майю пригласил профессор Индулис Заринь. В 1965 году она вновь возобновила занятия, на факультете живописи. Окончила отлично, в 1969 году вступила в Союз художников Латвийской ССР. Теперь она заслуженный художник республики, лауреат премии Ленинского комсомола Латвии.

Как можно видеть, артистичность, свойственная картинам Майи, была заложена в ее характере, ведь недаром ей прочили успех на сцене. Но в живописи это качество нашло особое выражение. Табака очень умело и изобретательно строит мизансцены. Иногда ее холсты содержат монологи, диалог — словом, в них слышен и голос современников и думы, чаяния, мечты, размышления мастера. Быть современным для Майи Табака — это вовсе не следовать модным течениям; ее искусство глубоко гуманистично. Картины реалистичны по форме, хорошо нарисованы, интересно и свежо написаны. Еще раз хочется сказать о фантазии мастера. Ибо в ее холстах часто присутствует метафора, некоторые картины задуманы как разговор со зрителем. Они вызывают желание войти в атмосферу картины, осмыслить задуманное автором. Может быть, иногда ее фантазия не совсем ясно пластически выражена, но это лишь потому, что Майя увлекающийся и растущий художник. Этот процесс созидания, сам темперамент Майи раскрыт ею же самой в словах, где она говорит о кардинальной теме своих работ: «Тема женщины в моем творчестве не завершится никогда. Теперь я вступила в тот возраст, когда особенно осознаешь свою роль матери. Каждое существо мне близко и дорого. У нас в Латвии так было всегда. Балтийская женщина высокая, широкоплечая, сильная телом и душой...

Древние греки говорили, что искусство — это стремление разгадать тайну жизни и смерти, понять суть существования живой души...

Я редко разглядываю свои ранние работы. Мне нравятся пустые белые стены, и многие с удивлением входят в мою мастерскую — она пуста. Мне это необходимо, пустота помещения дает возможность сосредоточиться на чем-то одном. Почему я пишу? Честно говоря, не знаю. Бывают моменты, когда лихорадочно хочется освободиться от чего-то, что меня мучает. Жить без живописи не могу, влечение к ней сильнее меня...

Я очень благодарна людям, которые согласны мне позировать. Это большой риск — человек отдает свою душу. Когда работа готова, образ создан, он начинает свою собственную жизнь и от меня уходит...»

Вторая и главная встреча с Майей была у меня в Москве на персональной выставке ее работ в Центральном доме художника в конце прошлого, 1984 года.

Так же внимательно и пристально, как когда-то, взглянул на меня ее «Автопортрет» в первом зале.

Зато во втором большом помещении была развернута внушительная по объему экспозиция — поэтический мир мечты и лирических раздумий Майи. Целый поток ассоциаций рождали ее полотна. Нет возможности описать все картины. Но в них — юность и старость, зрелость и детство, ликование лета и близость зимы, одиночество и веселье. И, пожалуй, самое притягательное то, что у мастера есть свой голос. Ее холсты узнаваемы не только по композиции и колориту, но и по той музыкальности и тонкости психологических нюансов в раскрытии характеров героев, которые присущи художнице. Ее искусство, человечное, доброе, порою искристое и озорное, всегда имеет лейтмотив бытия одного из талантливых народов, населяющих нашу огромную страну, показывает жизнь Латвии...

Глубоко символично полотно Майи Табака «Зеленая земля». В нем слышится счастливая песнь ее Родины, звучит радость погожего лета, словно поэтическая мелодия самой юности, воплощенная в фигурах девушки и парня в ярких национальных костюмах. Эту картину художница создала в 1983 году, накануне персональной выставки в Швеции. Холст, который повезла с собою Майя в северную страну, как-то особенно тепло выражает нежную душу автора, искренне любящего свой народ.

Талант Майи Табака вступил в пору расцвета. Все точнее и тоньше проникает она в характеры своих героев. Звучнее и жизнелюбивее раскрывается в ее творчестве тема Женщины.

Искусство Майи продолжает быть метафоричным. Оно зовет зрителя к сопереживанию. Может, поэтому в залах ее выставки в Москве всегда было людно и оживленно. Мне довелось слышать интересные мнения о ее работах. Одним они полюбились с первого взгляда, другие долго и вдумчиво вглядывались, словно привыкали к ним. Много и увлеченно обсуждали зрители сюжеты ее композиций-фантазий, дающих простор для ассоциаций и раздумий. Бывало так, что каждый трактовал фабулу полотна по-своему.

Словом, равнодушных не было.

Хочется от всего сердца пожелать успеха Майе Табака в ее интересном творчестве, отражающем своеобразие и оригинальность советского многонационального искусства.

Искусства во имя Человека.

Майя Табака. Род. 1939. АВТОПОРТРЕТ. 1963.

Майя Табака. СЕМЕЙНЫЙ КОНЦЕРТ. 1979.

А я судьбы не выбирала...

Галина ДОКОЛИНА

СВЕТ СНЕГОПАДА

Свет снегопада — он неощутим.
Заполонил и время, и
пространство.
Нам кажется, что сквозь него
летим,
а он — сквозь нас,
загадочно и странно...
Свет снегопада — сквозь твои
шаги.
Свет снегопада — сквозь твою
улыбку.
Так ожиданье веточек нагих
январских снов томительно
и зыбко.
Так стебелек ржаной непостижим
еще в своем великом назначенье:
в нем прорастает легкая, как дым,
под теплым снегом тайна
сотворенья.
Свет снегопада — щедрой быть
зиме,
и половодью рек,
и звездопаду.
Ты только сохранить в душе сумей
высокий свет
добра и снегопада.

●

Над глубиной обрыв отвесный,
полыни запах,
как беда...
И облака.
Ведь им не тесно
в широком небе никогда.
И где-то рядом голос Волги,
реки,
нет, реченьки моей.
Над нею долго-долго-долго
прощальный оклик журавлей.
Отворожили и пропали,
печалью душу обнесли.
Какие зори полыхали
там, на краю степной земли!
Какой тревожно-пряный,
нежный
в полыни горькой солнцестой...

Далекой встречи неизбежность
с тех пор всегда была со мной.

ФРОНТОВАЯ ЛОШАДЬ

Ее на фронте ранило осколком.
Военный фельдшер рану залечил.
На службе лошадь оставлять
без толку —
отчислили домой, в глубокий тыл.
Она исправно в упряжи ходила,
могла подолгу, истово, пахать.
Но люди знали: никакою силой
ее в конюшню на ночь не загнать...
Колхозный конюх (списан
подчистую:
заправлен за ремень пустой рукав),
ее в надгубья мягкие целуя,
на полную свободу отпускал.
Она бродила за селом под вечер,
прислушивалась:
травы шелестят,
тянулась к детям.
И по-человечьи
печален был ее далекий взгляд.

Москва.

Елена РОДНЕВСКАЯ

●

До боли вслушиваясь в тишину,
Почувствую огромность
мирозданья.
До голой ветки клена дотянусь —
Покажется, что прикоснулась
к тайне.

●

Вы возьмите меня, поезда,
Унесите в далекие дали,
Где над тихой деревней звезда,
Как корабль на пустынном
причале.
Где веселой прозрачной весной,
Как хрусталь, лед поет под
ногами.
Где июльский, расплавленный
зной
Сторожит тишину над лугами.
И над прудом четыре ветлы
Соловьями встречают зори.
И дожди там теплы и светлы.
Ковыли там безбрежны, как море.

●

А я судьбы не выбирала.
Она была ко мне строга:
Сначала шумные вокзалы,
Потом безмолвные снега.
Надежд привычный вкус
полынный,
Случайных радостей озноб,
Когда проявится на глине
Сжигающее мастерство.
Хочу познать любовь и дружбу,
Размеренного счастья бег,
Чтоб было неподвластно стуже
Закутать душу в белый снег.
Ведь я судьбы не выбирала.
Хотя и выбирать вольна.
Я только устоять старалась,
Когда сбивала с ног волна.

●

Посажу дерево — листья
поникнут,
Приручу зверя — зверь
погибнет,
Семена брошу — не прорастут,
Сберегу тебя — а вдруг на беду.

В злом упреке вновь слово брошу,
Обернется оно горькой ношей.
Твое имя шепчу воочью
И, боюсь, ты придешь —
Напророчу.

Москва.

Ирэна СЕРГЕЕВА

●

Есть настоящие мужчины —
работа их не обойдет,—
на космодромах, на плотинах
и на опорах ЛЭП-500.

Идут по жизни, слов не тратя,
внимая песне соловья,
они мои родные братья,
самой России сыновья.

●

Хожу, гляжу, о счастье думаю,
с людьми о счастье говорю
и землю — осенью угрюмую,
весной веселую — люблю.

И громы не страшны, и молнии,
когда ты на родной земле.
Хочу, чтоб люди это помнили —
и в городе, и на селе.

САЯНСКИЕ СТИХИ

1

Невидимый Борус во сне
сверкающих звезд касался.
Ковшом экскаватора мне
Медведицы ковш казался.
Казалось — в цепочке огней —
созвездие Лебедя краном,
что встал над планетою всей,
цепляя к стропам-великанам
подкову на тысячи тонн
породы, бетона, металла...
Гляди — и кричи в микрофон
с Земли ему: «Вира помалу!»

2

Не разбойничий свист —
монтажничий,
молодецкий, с высот опор.
Не гордился ты и не важничал,
на работу гораздо и спор.

А зачем бы ты, впрочем,
важничал?
Все друзья твои на подбор.
Каждый — бог высоты, и каждому
видны дали и Карлов створ.

ПАМЯТИ ГАГАРИНА

И в небо все глядела мать
и звезд не видела сквозь слезы.
И, ветви заломив, опять,
казалось, кланялись березы.

Но он остался навсегда,
он, первенец планеты синей,
как незакатная звезда
надежды, мира и России.

Ленинград.

Елена ЛАПТИНОВА

●

Шумит осенний лес,
И облака, как тени,
Спускаются с небес
На спящее селенье.
Молчит во глубине
Таинственное чудо.
И в озере, на дне,
Таится ночью утро.

●

Ах, дух заворожило
В лесу — в чужом дому.
И страх дождями смыло,
Что будет, не пойму.
А будет свет лучиться
Сквозь листья и цветы,
И зверь, и чудо-птица
Мелькнут из темноты.

●

Мы все принадлежим
Вовеки и отныне
Струе живой воды
В томительной пустыне,
Просторам полевым
И небесам глубоким...
Мы все — одной Земли,
Мы — в океан потоки.

●

Не губи мою смертную душу,
Буйный ветер, в начале пути.
Я заклятье свое не нарушу —
От себя никуда не уйти.

Не губи во мне радость тревоги,
Ожидание светлого дня.
Я встречаю тебя на пороге —
Не губи, буйный ветер, меня.

●

В чаще дикой и лесной
Бродят чьи-то страхи.
Воздух тут — как дух живой,
Шум — как крыльев взмахи.
И таится в гущине
Тайна вековая —
В чистом озере на дне
Рыбка золотая.

●

Колыбель моя качается,
Вырастаю под дождем,
Убегаю от отчаянья,
Забываю милый дом.
Мать выходит на крылечко
Помолчать и подождать,
Лампочка горит,
как свечка,—
Я гляжу
на мать.

Смоленск.

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Неразличимый Петербург 1835 года; должно быть, скучно тянулись промозглые дни в конце февраля, а может быть, напротив, уже масленица разгоняла тройки гривачей в лентах. И высоко горели на Неве соломенные чучела... Не в те ли дни над странными строками мучился Пушкин: «...Вы, дети, ты, жена!— сказал я,— ведайте: моя душа полна тоской и ужасом; мучительное бремя тягчит меня. Идет! Уж близко, близко время: наш город пламени и ветрам обречен; он в угли и золу вдруг будет обращен...» Теперь не разглядеть день 6 марта 1835 года (по новому стилю), в который в семье петербургского врача появился четвертый ребенок, еще одна девочка — Машенька. Через тридцать пять лет она сама будет ходить почти в такое же межсезонье, но все же ближе к весне, четвертым ребенком. Мы знаем, его Ульяновы нарекут Владимиром.

Ей предстояла долгая, порою мучительная жизнь. Эта ее жизнь многодетной женщины со временем привлекла внимание многих людей — пишущих и читающих, старавшихся узнать, какой же была мать вождя мирового пролетариата? О Марии Александровне написано немало. Есть воспоминания ее детей, сохранились многие письма — ее и к ней; жизни ее посвящались спектакли и кинофильмы, есть несколько повестей, на страницах которых реставрированы многозначительные для нас будни человека незаурядного, достойного своей судьбы.

...1916 год различим получше. Петроград, улица Широкая, квартира Елизаровых. За пианино седая женщина. Ей за восемьдесят, она все чаще болеет. Близкие заметили, что за последний год мама Мария Александровна стала как бы меньше ростом и ослабла. Часы отсчитывали последние месяцы жизни, начавшейся так неправдоподобно давно... Она встала, пересела за письменный стол. Она всегда любила и любит писать письма и до сих пор пишет часто, старательно. Дочери, младшему сыну, а еще — мысленно — другому сыну, который за границей, за линией фронта, которого ждет уже шесть лет... Мария Александровна перебирает, поглаживает худенькой рукой письма. Был бы только здоров... Как давно она не видела его! Один из первых большевиков, Шувалов, сочинил и распевал: «Не зови меня сыном крамолы, моя добрая бедная мать...» Нет, Володю она так никогда не называла. Мария Александровна всегда понимала — и разумом, и сердцем — мятежных своих детей. И Сашу понимала, и Аню, и Володю, и Маню-Маняшу, и Митю.

Как-то там Володя? Еще в мирном июле 1912 года он вдруг написал: «Из Парижа я нынешним летом забрался очень далеко — в Краков. Почти Россия!» До родины оставалось восемь верст. Она ждала его. Вся Россия ждала. И мать тоже.

Она сама всегда была готова к переездам. Жизнь сделала ее легкой на подъем. Когда отец овдовел, он снялся с места, покинул непереносимый Петербург, и семья оказалась в Перми. Пермь — детство Машеньки. В замужестве переезжала за Ильей Николаевичем Ульяновым. Потом... Дети, как только начинали самостоятельную жизнь, попадали под надзор полиции, они были то в тюрьме, то учились в дальних городах, то ссылались в места отдаленные. Вот и на старости лет Марии Александровне пришлось сначала ехать к Мите в Крым, навестить его, а потом поспешно перебираться в Вологду, куда сослали Маняшу, ее младшенькую. А Володя писал из Берна: заболела Надя, ее оперировали... Вологда. Смех и грех, ее тут, кажется, летом 1913 года, полицейский пристав обыскал на предмет изъятия нелегальной литературы. Обмишурился пристав: принял старую мать за ссыльную дочь. Мария и Мария, обе Ульяновы. Отобрал у прямо державшейся, спокойной старухи паспорт с бесчисленными штемпелями прописок и томик Льва Толстого, вполне легальный.

Мария Александровна любила и детей и всех их товарищей, любила надежного Марка Елизарова, мужа Ани, и мужественную Надю Крупскую, которая сделала все, чтобы добиться пересылки в Шушенское, к Володе, которая и сейчас рядом с ним в Швейцарии. Она понимала, что только так, не разлучаясь, живя большой семьей, молодежь одолеет беспощадное преследование со стороны властей. Свое место, где и с кем из них быть в данное время, Мария Александровна, их общая мама, определяла сердцем, интуитивно.

Быть с молодыми в дружбе, жить в их окружении—значит самой оставаться молодой, жить, не отставая. Так и было всегда. Молодежь делилась с мамой молодостью, всеми своими радостями, безумными мечтами, доверием и верой в будущее — их будущее, когда им будут принадлежать и Россия, и весь мир. Она, в общем-то безбожница, каждодневно как бы благословляла их поступки во имя их будущего. И мучилась втайне громадностью ими затеянного. На что замахнулись!..

Лед, пламень, надежда и вновь беда за бедой — такая вся жизнь Марии Александровны. Добрую весточку настигала злая, лишающая сил и воли... Вот и сейчас старость не радость и третий год тянется кошмар мировой бойни: Митя военврач, Маняша на фронте, от нее ни строчки, Володя за границей... Она всегда ждала. Привыкла ждать, устала ждать: писем, звонка в дверь, топота сапог, нового сообщения об аресте кого-нибудь из детей.

Двадцать два ареста своих детей пережила мама Мария Александровна. Двадцать два... И — одну казнь. Казнь старшего сына — Саши. Почти тридцать лет мать жила с петлей на шее. Снова и снова моталась она по присутственным местам, по кабинетам сановников, распоряжавшихся жизнями молодых, по тюремным склепам для передач и свиданий...

Весна шестнадцатого улыбнулась ей жарко и неожиданно — вдруг объявилась дочь Маняша! С фронта прикатила, и ожила мать. Одна мечта сбылась. Сердце решило выжить до Володи, и сразу отпустили острые боли.

Володи она не дождалась.

Легок был ее гроб. Тяжелой была жизнь. Жизнь матери профессиональных мятежников, созидателей будущего дворца жизни.

Владимир Ильич очень любил мать. Об этом свидетельствуют его письма, рассказы сестер и очевидцев. За что любил? За то, что мать. А уважал за то, что она являла собою пример колоссальной силы воли, великого терпения и неиссякаемой любви к детям, таким непохожим на большинство детей Российской империи. Дети были благодарны ей за понимание цели, избранной ими. Судьба в этом очень помогла Ульяновым: в семье не было раскола. Пели одни песни, читали одних авторов, мечтали о несбыточном как о вполне реальном — о разрушении царизма, о смерти империи. А казнь Саши только спаяла их всех крепче. Особенно Владимира и маму, она-то знала теперь, что может ожидать второго сына — да минует Володю чаша сия!..

Участник марксистского кружка А. Беляков:

«...поражала та изумительная нежность, с которой Владимир Ильич при встречах и при расставаниях с матерью целовал ей руку. Всякого другого за такие «барские» обычаи мы бы тогда подняли на смех, заулюлюкали бы, сжили бы со свету. Но здесь мы как-то сразу согласованно почувствовали, что это не барская манера. В этом целовании руки сказывалась вся безмерная скорбь об утрате брата Александра, вся нежность сыновней любви, вся сила пламенного желания смягчить острую боль утраты, выразить бесконечную ласку...»

Письма матери — часто ли писали и пишем их мы нашим матерям? Да и о чем пишем? Исследователи подсчитали, что за двадцать четыре года — с 1893-го по 1916-й—Владимир Ильич написал 259 писем, так вот почти две трети из них, а точнее, сто семьдесят писем были на имя мамы Марии Александровны. Из каждых трех писем — два ей, матери. И в каждом минимум слов о себе, но больше о ней, о ее здоровье и, конечно, о каком-нибудь важном деле. И обязательно — поручение, задание сугубо партийное. И часто единомышленникам, родным — через мать!

Мария Александровна строго, тщательно сберегала и сберегла письма Ленина, это ее бесценное наследство человечеству, всем нам. Том 55 полного собрания сочинений Ленина — письма к родным,— по сути, ее том, мамин.

А виделись они редко. Мария Александровна дважды сама ездила за границу на свидание с сыном Владимиром.

Последний раз она видела его в Стокгольме — специально поехала после долгой разлуки — в 1910 году. Тогда в Стокгольме Мария Александровна пережила редкое потрясение счастьем, она впервые— уж так получилось — услышала Ленина, сына своего, на собрании рабочих-эмигрантов... Как его любили незнакомые ей люди!

И тогда же там, в Стокгольме, она пережила минуты последнего расставания. Знала ли, что последнего? Мать и Маняша отплывали в Россию, Владимир Ильич оставался эмигрантом. М. И. Ульянова:

«...Владимир Ильич проводил нас до пристани — на пароход он не мог войти, так как этот пароход принадлежал русской компании и Владимира Ильича могли там арестовать,— и я до сих пор помню выражение его лица, когда он, стоя там, смотрел на мать. Сколько боли было тогда в его лице!..»

Ленин в Россию вернулся. Его встречали большевики, рабочие Петрограда. Только что рухнула монархия, шел 1917 год. И снова назревала весна, время года Ульяновых. Ленина встречали радостно, открыто, многолюдно, со знаменами. И площадь Финляндского вокзала, и прилегающие к ней улицы заполонили рабочие делегации, солдаты, матросы. Оркестр играл на перроне. Тот поздний предвесенний вечер был несказанно светел. «Правда» свидетельствует:

«Под знаменами партии двинулся он по вокзалу, войска взяли на караул...»

Ленину тут же, на платформе, вручили партбилет большевистской организации Выборгской стороны Петрограда. Была полночь. Ленин несколько раз обращался с краткими речами к встречавшим его революционным массам — на платформе, на площади с броневика, по пути к особняку, где размещались ЦК и Петербургский комитет РСДРП(б), и с его балкона. Встреча длилась всю ночь. Ленин — уже в роскошном мраморном зале — выслушал еще одно приветствие в свой адрес и потребовал тишины и внимания: «Я полагаю, товарищи, что довольно уже нам поздравлять друг друга с революцией». Новые задачи и тактика партии — вот что его волновало больше. Он тут же ночью, переходящей в утро 17 апреля 1917 года, высказал всемирно известные теперь «Апрельские тезисы» — практическую программу перехода к социалистической революции. Речь его и беседа

М. А. Ульянова.

Семья Ульяновых.

в ЦК длились до восхода солнца. Когда совсем рассвело, Владимир Ильич, наверное, возбужденный и, конечно же, уставший после такой ночи, отправился с Широкой на Волково кладбище. Могила Марии Александровны, рядом — сестры Ольги. Совсем близко похоронен юноша Добролюбов. После речи над его могилой начали преследовать Чернышевского. Чернышевского в доме Ульяновых любили всегда. А мама любила, когда дети ее были при ней и читали книги вслух...

Так они встретились вновь, на переломе ночи и дня, на переломе века, долгим холодным утром беспримерных социальных потрясений. Мария Александровна знала, что Володя всегда добивался своего. И никогда, чем бы и как бы ни был занят, не забывал о ней. Революция и мать — это двуединство и было источником всесокрушающей энергии и любви к людям по-ленински. Не зря в народе говорят: как человек относится к матери, так он относится и к людям вообще. Духовная близость — как раз то, о чем могут только мечтать во многих семьях.

Пишущие о матери Ленина называют ее «связной». Она и была связной. Так было всегда, когда дети отбывали очередной срок в тюрьме или ссылке. М. Шагинян отмечала: когда Ленин писал матери, тогда публицист и оратор отступал, а на первый план выходил с ы н. Сын заботливый, тоскующий по маме: «До свидания» — подчеркивал он два слова в конце обнадеживавшего письма.

Мария Александровна в последние годы жизни.

«Дорогая мамочка!» — так начинаются все письма Владимира Ильича. И обязательно в конце: «Твой В. У.». А перед возможной встречей давал понять: «До свидания, моя дорогая».

1899 год. Ленин — Марии Александровне:

«Ужасно рад был я узнать, что ты поправилась и опять выходишь... Вполне ли хорошо чувствуешь ты себя теперь?»

1909 год, Мария Александровна заболела.

Ленин — сестре Анне Ильиничне:

«Как-то мамино здоровье? Митино письмо прочел и п р о ш у е г о п и с а т ь н а м регулярно теперь: ему, как врачу, виднее, особенно после совета с специалистами, состояние болезни, и я его очень п р о ш у извещать нас п о ч а щ е хотя бы самыми короткими письмами».

Еще из писем Анне Ильиничне:

«Получили вчера вечером твое письмо с припиской дорогой мамочки. Маняша и мы все ужасно были обрадованы... Поцелуй от меня и от всех нас покрепче маму...»

«Из письма Мити узнал с радостью, что маме лучше! Наконец-то,— измаялась она, должно быть, здорово».

«Из Митиного письма вижу, что мамино здоровье пошло на поправку. Наконец-то! Крепко целую маму и всем шлю больщущий привет».

Горе часто наваливалось на Марию Александровну. И каждый раз ее ободрял, поддерживал сын — немедленно откликался, давал почувствовать матери, что она не одна: «Я уверен, что долго продержать их не смогут...» Их — это арестованных в Саратове сестер.

1912 год. Ленин — Марии Александровне:

«Есть ли у тебя знакомые, моя дорогая? Навещает ли кто-нибудь? Хуже и тяжелее всего в таких случаях внезапное одиночество. Есть ли письма и вести от Марка и Мити?

Нет ли кого из знакомых в Петербурге? Было бы полезно написать им, если есть, о происшествии, может быть, наведут справки...

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю здоровья и бодрости».

«Дорогая мамочка! На днях писал тебе по поводу ареста Маняши и Анюты. Хочется поговорить еще. Боюсь, что ты слишком одиноко теперь себя чувствуешь...

Пожалуйста, черкни мне несколько слов, моя дорогая, чтобы знать, здорова ли ты и как себя чувствуешь,— есть ли какие новости; есть ли знакомые у тебя в Саратове. Может быть, при более частой переписке ты будешь чувствовать себя все же несколько менее тоскливо».

Когда в 1895 году Владимира Ильича арестовали, мать поехала в Петербург — поддержать сына морально, быть рядом, а главное, похлопотать о выдаче сына на поруки. Писала прошения. Ей отказали «в виду упорного запирательства Ульянова». Мать писала прошение за прошением. Когда ему определили ссылку в Сибирь, Мария Александровна начала новый круг по инстанциям, дабы избавить сына от пересылок и этапов. Мать просила разрешить сыну ехать самому по проходному свидетельству, за собственный счет. И добилась-таки, разрешили политссыльному остановиться в Москве, у нее, у матери... Дали им два дня. И как только сын проследовал по назначению, мать засобиралась сама в Шушенское — как он там без нее? Остаться ее заставило только то, что в это время из тюрьмы освободили Митю и он после отсидки нуждался в ней, может быть, больше...

Уставать ей было просто некогда.

Ленин стоял над могилой матери. Еще держался снег.

Она получила домашнее образование, но какое — она основательно знала три европейских языка, русскую и западную литературу, музыку, а будучи уже девицей на выданье, экстерном сдала экзамены на звание учительницы начальных классов. Но и без этих обязательных экзаменов окружающие знали о педагогическом призвании Марии Александровны, о ее исключительных педагогических способностях, о врожденном такте. Она была всегда немногословна, выдержанна, рассудительна. На окружающих, а позже на собственных детей имела огромное влияние. С ней любили советоваться. Привлекала к ней и ее красота, весь внешний облик, умение одеться. Она танцевала, пела, музицировала. С детства никогда никакого жеманства. Физическая выносливость, способность ограничивать себя, сдерживать свои прихоти — все это были плоды воспитания в отцовском доме. Все сестры носили простые ситцевые платья, их было по два с короткими рукавами. Жили в холодных комнатах. Обязательно были с раннего возраста ледяные обтирания, а купались девочки в Каме до заморозков — это когда жили в Перми; и после переезда в Симбирск и Кокушкине также купались всей семьей. До замужества Мария Александровна уже умела и знала, как сводить концы с концами. Минимум приобретений. Еда самая простая. Девочки сами, хотя отец держал кухарку, каждое утро кипятили для себя молоко. Сами лепили и замораживали пельмени. Сами рубили, квасили капусту. Это было весело. Маша занималась цветами, любила работать на огороде. Придет рождество — сами делали игрушки на елку.

Вот такую — взрослую, грациозную, умницу и умелицу — и взял в жены разночинец, увлеченный физикой учитель Илья Николаевич Ульянов. Уж он бы ни капризов, ни барских замашек от своей избранницы не потерпел. А тут все сошлось как нельзя лучше; их брак был счастливым своей как бы предназначенностью, совпадением взглядов и привычек блюсти себя. Был 1861 год — год отмены крепостного права, когда тенденции демократизации всего российского уклада жизни, особенно в провинции, нарастали со скоростью света далеких и таких любимых учителем Ульяновым звезд.

Мать-друг — это все же редкость. Мария Александровна была для всех своих детей другом неустающим. Это от матери у молодых Ульяновых была завидная душевная закалка. Ни у кого из них не было разлада между убеждением и поступком. Это, конечно, и отцовское у них. Но и от матери. Отец и мать были такими. Такими стали и дети.

Мария Александровна была и рукодельницей, и хозяйкой отличной. Когда она, овдовев, возглавила дом, то Володе, например, было только шестнадцать, он еще в гимназию ходил. Пример матери учил детей «держать удар» судьбы. Стойкость, честность, принципиальность на фоне широкой серьезной образованности — вот уроки Марии Александровны. И еще — умение найти себе дело. Безделье — враг номер один для всех Ульяновых. Мать играла, читала, стряпала, штопала, вязала. Даже когда ей шел уже восемьдесят первый год, ее не видели без дела. Рук сложа в доме Ульяновых никто никогда не сидел.

М. Шагинян:

«Мария Александровна выросла гораздо более тихой, чем бунтовавшая против отца, но сумасбродная, как отец, Аннушка. Спокойно, просто, с прирожденной грацией она усвоила отцовский режим, подчинилась порядку и сама завела порядок. Разговаривать не любила, в обществе больше молчала. Ее влекло к книге, к учению, которого не дал отец. Что учиться не пришлось, это ей тягостно связывало мысль. Но в характере ее была легкая, изящная наблюдательность. Помолчит, помолчит, а вставит словцо — и обернутся на нее с удивлением: так свежо прозвучит словцо».

До последних дней Мария Александровна передвигалась молодо — не шаркая. Мучила одышка. Но виду не подавала, прилегала редко и то — с книгой. Устала ждать, но ждала... Митя и Маня воевали. Она все чаще брала в руки трогательную дощечку для хлеба. Ее когда-то (кажется, в другой жизни) выпилил Саша. Подарок маме. А Ленин любил и возил повсюду с собой деревянные шахматы. Фигуры выточил отец.

Рождения, жизни, смерти. И поступки, поступки... Верность самым благим намерениям, твердость духа и душевная щедрость. Революционеры Ульяновы всем этим обладали. И лучшие черты их характеров были благоприобретены — взлелеяны и воспитаны матерью. С такой мамой, какой была для своих детей Мария Александровна, можно бесстрашно вступать в российскую действительность.

А действительность эта была за стенами в общем-то благополучного дома. Дом стоял на Стрелецкой улице. На одном ее конце — церковь, на другом — тюрьма. В этом доме, вознесенном над грохотом ледохода, и разрешилась в 1870 году мальчиком Мария Александровна. Была страстная пятница, 22 апреля по новому стилю. Началась жизнь во имя новой жизни на всей планете. Мать была крепкой, спокойной, опытной, она передала новому сыну столько жизненной энергии, что ему достало сил сместить историческое время на целую социальную эпоху.

Николай БЫКОВ

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент
«Огонька»

ФРГ: люди и проблемы

ПАВШИЕ ВЗЫВАЮТ К ЖИВЫМ!

«Южнее Мюнхена вдоль течения Изара простирается Пупплингер Ау. Он считается одним из последних больших естественных речных ландшафтов серединной Европы и должен охраняться, как драгоценное украшение... Приглядевшись, ты замечаешь, что концы игл и листьев на многих деревьях желтого или коричневого цвета. А это значит — деревья неизлечимо больны. Ученые давно об этом предупреждали, но непосвященным это кажется несерьезным. Их взоры простираются к Альпам, и они также не хотят верить последним пугающим известиям: там, в горах, деревья тоже начинают погибать. «Кислотные дожди» — это сырость, отравленная выхлопными газами, просачивается в долины и на склоны гор, и, если не принять срочных мер, гордость Баварии Пупплингер Ау превратится в прокисшую степь, цепи гор будут изъязвлены, и долины зальет мертвая вода».

Автор этих строк — известный писатель-публицист Фридрих Хитцер написал много статей по проблеме экологического кризиса в стране. Он пригласил меня на прогулку в окрестности Мюнхена, чтобы показать знаменитый Пупплингер Ау.

Из Мюнхена в Вольфратсхаузен, где живет писатель, сорок минут электричкой. Пейзаж был до удивления однообразным: почти непрерывная цепь заводских зданий, складов, цистерн с горючим.

Энергичный, веселого склада человек средних лет встретил нас на остановке. Фридрих Хитцер отлично говорит по-русски. Я призналась, что ожидала по пути увидеть иной пейзаж.

— Ничего удивительного! — живо откликнулся он, усаживая нас с моим гидом Макси Мюнтьес в машину.— В Баварии сегодня сосредоточено около 80 процентов западногерманских фирм, связанных с электроникой. Тут представлены фирмы США, Англии, Франции, Японии. Можно сказать, что это центр военно-промышленного комплекса Баварии. А результаты? Гибнут красоты этого края — вековые леса, реки, озера.

...Дорога в это воскресное утро, как и следовало ожидать, была забита машинами. У многих к багажникам ловко приторочены красные, желтые, голубые виндсерфинги.

— Модный нынче вид спорта,— поясняет Хитцер,— да только он не очень-то подходящий для наших озер: они плохо прогреваются за лето, и любители виндсерфинга расплачиваются за свое увлечение радикулитом.

— А вам какой вид спорта по душе?

— Люблю бродить по горам с рюкзаком за спиной. Видите, вон там вдалеке на горе выступ? По туристской тропинке туда я добираюсь за несколько часов. Наверху стоит деревянный домик, его приобрело местное общество альпинистов. Как-то в прошлом году я добрался туда и ахнул — кругом валяются обломки вертолета. Лесник рассказал: «Американцы, «зеленые береты», налаживались здесь отрабатывать технику атаки. Что-то у них с вертолетом случилось, и он грохнулся...» Я слушал старика и думал: американские солдаты тренировались в местах, облюбованных еще до войны фашистами! Тут как раз был военный центр подготовки эсэсовцев.

Человек, который везет меня по горному серпантину, хорошо знает историю этого края. «Убийство в пивной» — так называется книга Хитцера, в которой он блестяще исследовал корни нацизма.

— Земли, что вы видите вокруг — поля, леса,— все это частные владения крупных баварских помещиков-землевладельцев Виттельбахов, аристократов фон Арко. Отпрыск этого древнего рода был убийцей Курта Эйснера, который возглавил в 1919 году республиканское правительство Баварии.

Писатель рассказал, что, работая в архивах над этой книгой, он уже с увлечением думал о другой. Ему посчастливилось найти здесь уникальные материалы, связанные с пребыванием в Мюнхене Ленина в начале девятисотых годов.

— Я читал тайные полицейские рапорты о Ленине, который скрывался под именем болгарина Иорданова. Книга «Ленин в Мюнхене» была издана у нас в стране в 1977 году, а через четыре года она вышла в Советском Союзе.

...Мы остановились неподалеку от озера и отправились в маленькое кафе под открытым небом. Нас, единственных посетителей, мигом обслужил кельнер. Он принес свежую рыбу, выловленную в этом озере.

— Слава богу, рыба еще тут есть,— сказал Фридрих,— а на деревьях, если вы заметили, «желтуха» попадается и довольно часто. Теперь-то все эти заповедные места под охраной государства. Да поздно спохватились!

...Прошлое, настоящее и будущее — они неразрывны и в судьбе человека, и в судьбе страны. Только что мы миновали новенький красивый городок Герецрит. Он вырос после второй мировой войны, а во время войны тут находились самые крупные заводы по производству химического оружия, и в этом аду работало больше шести тысяч военнопленных — русских, голландцев, французов. Особенно много среди рабочих было женщин, и местные жители называли их «канариен фогель» — канарейки, потому что лица несчастных были желтыми от ядовитых веществ... Никто из них не уцелел — все остались навечно в этой земле. И когда узнаешь об этом, меркнет красота и волнистых гор, и тихих прозрачных озер. Мертвые взывают к нам, живым. ПОМНИТЕ! ПОМНИТЕ! ПОМНИТЕ!

Последняя книга, написанная Фридрихом Хитцером,— история тех, кто попал в Дахау. Итальянцы, немцы, русские, французы — живые и мертвые говорят в этой необычной книге о том, как встретили они свой страшный час.

— Одни добровольно смирились и ждали смерти. Но были и другие, такие, как русский генерал Карбышев,— говорит писатель.— И я спрашивал, почему не все в этом лагере страданий так достойно, как он, уходили из жизни? Ответ — в моей книге.

— Но прочтут ли вашу книгу те, кому она адресована — молодые люди? В одной из своих статей вы написали, что перед писателями вашей страны стоит реальная проблема — они остаются без... читателей! Молодые люди просто не испытывают желания взять в руки серьезную, умную книгу. А между тем реваншистские настроения становятся все более популярными среди молодых. Западногерманский журнал «Конкрет» написал: «Под прикрытием или при молчаливой поддержке политических деятелей, агентов секретных служб, публицистов, прокуроров и полицейских неонацистские группировки уже терроризируют ряд молодежных центров. Начиная с 1980 года правоэкстремистские преступники убили по меньшей мере 28 человек, а 200 получили ранения...»

— Что же тут удивляться? Ведь реваншистские землячества помогли новому правительству прийти к власти, и теперь реваншисты стараются изо всех сил обелить практику нацизма и его «героев», уверяя, что «нацизм был хорошей, но плохо осуществленной идеей»!

— Какой же вывод сделали ваши соотечественники, перевернув ту мрачную страницу истории, которой любой нормальный человек должен был бы стыдиться?

— Старшее поколение, те, кто был солдатом и знает русских, не верит воплям «русские идут!». Их мучает страх за совершенное злодеяние, и именно они шествуют в колоннах мира. Мое поколение пятидесятилетних — дети военного времени — в большинстве склонны к правде и ненавидят фашизм. Моя сестра родилась после войны — это поколение не видело разбитую страну, не видело руин. Они росли в условиях экономического подъема. Им внушалось постоянно, что есть некий образ неприятеля, который вынуждает страну поскорее встать на ноги. Это «русские, которые вот-вот будут здесь». Они материально стали жить лучше родителей, но именно на это поколение резко падает рождаемость. Я недавно об этом беседовал с моим соседом врачом-гинекологом. Он возмущен, что молодые люди покупают в кредит машину, мебель и не хотят иметь ребенка. «Вещи жрут нас!» — вот что сказал мой сосед, и я с ним согласен. Это одна сторона проблемы. А другая — пропаганда неизбежности войны и постоянная стрессовая ситуация — надо выдержать гонку за право выжить, получить работу.

— Значит, вы пессимист по отношению к молодым?

— Нет! Я много раз бывал на демонстрациях против американских ракет и на демонстрациях в защиту прав рабочих. И знаете, кто преобладает в колоннах? Молодые! Но самое важное — люди сейчас стали больше размышлять и больше думать. Недавно мне позвонила женщина, вдова священника. У нее три сына, три мальчика растут. Она спросила, что же делать, как объединить усилия таких же людей, как она, не политических деятелей, а простых матерей, которых пугает бездушие, цинизм, царящий вокруг, а главное — опасность, что придется расплатиться детьми, если вспыхнет ядерный пожар. «Надо что-то делать!» — сказала эта женщина, и потом я узнал — она сумела организовать группу активистов, которые принимают участие в движении за мир!

Прощаясь, Фридрих Хитцер сказал, что недавно вышла его книга о путешествии в СССР — в Сибирь и на Алтай и он часто выступает, рассказывая об этой поездке.

— Вы бы слышали, как жадно меня расспрашивают и какие вопросы порой задают! «Скажите, как там, в России, столько лет терпят диктатуру партии?» — спросил меня на последней встрече человек постарше меня. Я рассказал о поездке в один город Сибири. «До революции в городе был единственный каменный дом: в нем торговали водкой. А сейчас там много вузов и тысячи студентов,— сказал я.— И это люди получили благодаря диктатуре партии. Выходит, что диктатура — это они сами!».

В зале долго смеялись, а я подумал — пол зашатался под теми, кто обычно сидит дома, затворившись от мировых проблем. Сегодня даже «маленькие люди» озабочены: что будет с ФРГ?

О СУДЬБАХ ЖЕНСКИХ...

Она назначила мне встречу в собственной фирме. «Биоскоп-фильм» занимает две небольшие комнаты в доме, где на каждом этаже помещаются фирмы, созданные известнейшими в ФРГ кинорежиссерами. На стенах — афиши фильмов, которые сняла Маргарета фон Тротта и ее муж, известный режиссер Фолькер Шлёндорф (мне запомнился его фильм «Поруганная честь Катарины Блюм»).

Окончание. См. «Огонек» №№ 7, 9.

— Я трижды была в Москве на кинофестивалях. Там показывали мои фильмы,— говорит Маргарета. Она откинулась на стуле, затянулась сигаретой.— Женщина в моей стране, ее судьба — вот что меня интересует. Я была актрисой в театре. Встретившись с моим будущим мужем, я сразу же разделила его увлечение кинематографом. У нас театры сейчас в запустении, люди редко выбираются туда: билеты дорогие, а главное, они отучились от театра. У вас совсем иное дело: я видела в Москве очереди за билетами в театры и завидовала!

Первой работой Маргареты в кино как сорежиссера был фильм «Поруганная честь Катарины Блюм», а до того она написала сценарий «Неожиданное богатство Кромбаха». Потом были фильмы «Соломенный пожар», «Последний выстрел» (его показывали в Москве в Доме кино). Вначале она вместе с мужем писала сценарии и работала как сорежиссер, потом стала работать самостоятельно.

— Героиня ваших фильмов — женщина, живущая сегодня в ФРГ. Какие главные проблемы стоят перед ней?

— Во-первых, у нас по закону существует равенство полов, а в действительности женщина —человек второго сорта, и, когда речь идет об оплате за труд или о том, чтобы на руководящую должность, хотя бы директором школы, назначить женщину,— ее отодвигают в сторонку и дают эту работу мужчине, а он не блещет ни знаниями, ни талантом. Словом, в нашей богатой, «преуспевающей» стране женщина перед обществом беззащитна... Но главное, о чем я хочу сказать в своих фильмах,— это то, что все больше женщин осознают необходимость изменений своей жизни, хотят активно участвовать в жизни общества, но не решаются действовать.

— Мне здесь приходилось слышать о том, что толчком к пробуждению женского движения были семидесятые годы — время подъема студенческой борьбы...

— Верно! Девушки стали участвовать в политических событиях, у них «прорезался» политический голос. Вы, наверное, знаете, что главной силой в наших антивоенных выступлениях стали женщины. Самые разные. Я стараюсь в своих фильмах показать, каким порой нелегким путем идет женщина к прозрению.

«Второе пробуждение Кристы Клахес» — это история воспитательницы детского сада. Моя героиня поняла, что систему воспитания надо изменить. Но для этого нужны деньги. Криста со своей идеей идет в муниципалитет. Там над ней посмеялись и денег не дали. Тогда вместе с двумя приятелями она решилась на ограбление банка, и ее осудили. Такая история произошла на самом деле,— рассказывает режиссер,— той воспитательнице дали пять лет. Я была у нее в тюрьме, беседовала с ней. В фильме я изменила ситуацию, позволила ей убежать от преследования. На пути бегства Кристе встречаются разные люди, и они по-разному относятся к тому, что она натворила. Наконец ее ловит полиция, и ей устраивают очную ставку с той самой женщиной, прикрываясь которой как живой мишенью она сумела скрыться. Тут происходит невероятное: «жертва» отказывается признать в Кристе девушку, которая похищала деньги! Она поступила так потому, что поняла, во имя чего молодая воспитательница совершила ограбление. Солидарность — вот о чем говорит мой фильм...

— Я слышала восторженные отзывы о вашей ленте «Оловянное время».

— Для меня это один из самых важных фильмов. Он о тех, кто рос в послевоенное время. От нас, послевоенных детей, взрослые многое скрывали. Минувшая война и ужасы фашизма во многих домах были запрещенной темой. Но уже в пятидесятые годы представители этого поколения поняли: от них скрывали что-то очень важное и позорное. Этот период я назвала «оловянным временем». В центре фильма судьба двух сестер. В семидесятые годы они начали размышлять о войне во Вьетнаме и темном прошлом своей страны — о нацизме. Сестры по-разному реагируют на то, что узнали. Одна идет к террористам, другая — в женское движение. А начинается фильм в тюрьме. Пойманная террористка поняла — корни всего, что с ней случилось, в фашизме. Этот фильм снят в 1981 году. За него в Венеции я получила приз «Золотого льва».

— А следующий фильм?..

— Я пишу сценарий о Розе Люксембург. Это будет фильм о Женщине. О политике. О любви. Я думаю, он злободневно прозвучит: Роза Люксембург призывала женщин бороться за мир. И это станет очень важной отправной точкой в моем фильме. Ведь я сама прошла в маршах мира много дней, и мое имя рядом с именем моего мужа стоит под Крефельдским воззванием.

В ГОСТЯХ У МАКСА ФОН ДЕР ГРЮНА

Дортмунд — город угля и город шахтеров. Писатель, который пригласил меня в гости, в шахте проработал тринадцать лет, и первые книги его — о шахтерах.

— Я пишу только о том, что знаю, что испытал на своей шкуре,— говорит этот седовласый человек.

Он родился в 1926 году, окончил школу, стал торговать фарфором. В семнадцать лет — солдат гитлеровской армии. Был радистом, угодил в плен к американцам. Сначала был у них в лагере в Кёльне, потом переслали в Бретань, оттуда в Америку на три года.

Он пружинисто поднялся с дивана и, отложив в сторону табак и трубку, снял со стены рисунок в рамке.

— Этот молодой человек — ваш покорный слуга в двадцать один год. Нарисовал меня один художник в штате Луизиана, а получил я рисунок совсем недавно. Здесь, в ФРГ, была делегация ветеранов войны из США, и художник был среди них, узнал меня и сказал, что все эти годы хранил этот рисунок... Видите, какие штуки жизнь выкидывает? Нам, писателям, такое и не выдумать! На родину я вернулся в в 1948 году, пошел работать каменщиком, но фирма, куда я устроился, обанкротилась. Пошел наниматься на шахту в Руре, а оттуда перебрался в Дортмунд — думал, ненадолго, а остался на 30 лет и вот теперь совсем недавно наконец обзавелся собственным домом.

На полке у него много книг. Есть Горький, Чехов, Платонов, Трифонов, Булгаков...

— Я пишу еще книги для детей, для молодежи. Сейчас работаю над очень любопытной книгой, но пока что я, как всегда, «проигрываю» ее модель — удастся ли втиснуть в роман то, что задумал... Много работаю для телевидения, правда, в последнее время дела идут хуже...

— Некоторые считают, что литература — врачеватель. Другие считают ее учителем. А что думаете вы?

— Литература ни то и ни другое. Ведь наше искусство состоит в том, чтобы из самой обыкновенной истории сделать необыкновенную. Был такой немецкий хирург и писатель—Шлейх, сейчас о нем забыли, но врачи его знают, так как именно он открыл метод местной анестезии. Однажды он стоял перед великим Рудольфом Вирховым и держал экзамен на врача. «В чем главная задача врача?» — спросил его Вирхов. «В том, чтобы ничего не принимать как нечто уже решенное и неизменное»,— ответил студент. «Вы выдержали экзамен!»— сказал Вирхов. Так и писатель — он ничего не принимает как уже решенное. Находятся люди, которые утверждают, что писатель хочет спровоцировать в обществе какое-то движение. Это неправда. Общество само провоцирует сколько хотите ситуаций, и задача писателя — исследовать и объяснить их людям.

— В американском журнале «Ньюсуик» мне попалась статья, в которой утверждалось, что в третьем тысячелетии Европа сойдет с политической сцены. Лидировать будут три страны — США, Япония и Китай. Особенно автор оплакивает вашу страну, которая сошла со сцены, так как погрузилась в болото пацифизма и ищет способ устраниться от мировых проблем. Что вы скажете на это?

— Я отвергаю эти прогнозы, Америка в области культуры — неандерталец, я это смею утверждать, так как жил там и убедился в их примитивизме. Да и теперь я раз в два года езжу в штат Огайо — веду семинары со студентами. Их культурный уровень — бог мой! Это единственная страна в мире, где в школе не преподают географию как предмет. А зачем, когда у них есть свои «Москва», «Мюнхен», «Рим», «Лондон»! Американцы на редкость нелюбопытный народ — их интересует только Америка, и они наивно невежественны, как дети. Вот почему в Америке всегда трудно было писателям. А ведь мое литературное развитие я получил именно там — мои первые учителя Лондон, Синклер, Стейнбек, Хемингуэй. У нас в стране еще до войны, когда я увлекся книгами, настоящая немецкая литература была уже под запретом, и в США я впервые прочитал Гейне... Открыв литературную Америку, я был потрясен ее человечностью и честностью. Как же больно видеть сегодня невежественных американцев! И меня очень тревожит, что американская схема мышления в американской упаковке изо дня в день по всем каналам телевидения внедряется в головы моих сограждан. Французский министр культуры, если я не ошибаюсь, сказал несколько месяцев назад в одном интервью: «Европа стала колонией американской культуры!» Я с ним целиком согласен!

— Что же в таком случае остается вам, писателям?

— Нам предстоит трудная пора — в этом нет сомнения. Я часто участвую в литературных встречах с читателями в школах, библиотеках, повсюду, куда приглашают, и вижу — книга постепенно уходит из рук читателя. Во-первых, она стала много дороже. Во-вторых, ее издают в меньших тиражах. Новая культурная политика впрямую угрожает жизненному уровню писателей. Материальное положение рядового писателя в Западной Германии оказалось настолько трудным, что без серьезной профсоюзной защиты ему просто не выжить. В профсоюзе полиграфистов — наша серьезная надежда и защита. Именно вместе с рабочими, профсоюзным движением мы можем и должны бороться за сохранение лучших традиций нашей культуры,— считает Макс фон дер Грюн.

И эту точку зрения разделяют все прогрессивно мыслящие писатели страны. Однако курс к единению писателей с рабочим классом вызвал недовольство у консервативных издателей. Прикрываясь демагогическими фразами о несовместимости «писателя и профсоюза», реакционная пресса повела наступление на Союз писателей ФРГ, и его руководитель Бернт Энгельман был вынужден уйти в отставку. Теперь Союз возглавляет баварец Ганс Петер Блойель, с которым у меня была интересная встреча в Мюнхене. «Властям не удалось расколоть нас до конца! — сказал этот энергичный писатель-публицист, автор книг о Лассале и Энгельсе.— Я убежден, что все мои коллеги, даже те, кто вышел из Союза, в самом главном — в вопросах необходимости отстоять мир — думают одинаково!» А что думает об этом мой собеседник?

— Я убежден — никогда еще не было среди интеллигенции такого широкого антиамериканского настроения. Давление сверху рождает ответное движение снизу. И в последнее время больше чем когда-либо я получаю приглашений для выступлений с лекциями и докладами о литературе, о проблемах современности и борьбе против войны.

— Я вижу у вас на рабочем столе рукопись новой книги. О чем она?

— Это новый роман на почти фантастическую тему. На одном заводе, где производят электромоторы, умирает владелец, и по завещанию половина завода теперь принадлежит 506 рабочим и другая часть — наследникам. И вот на таком предприятии вспыхивает забастовка. Ее начали те, кто работает на той половине завода, у которой по-прежнему есть хозяин. Какую же позицию займут рабочие-владельцы? Роман будет построен на разных судьбах... В нем будут действовать политические деятели в парламенте, которых легко узнать, так как их прототипы заседают в бундестаге. В моем романе это не правительство, а шайка дельцов от политики... Тут будет и движение за мир, и неофашисты—словом, вся наша жизнь. Я уже теперь знаю — меня ждут неприятности с этим романом. Издательство и мой юрист предостерегают: со мной начнут судиться сильные мира сего. Ну что ж, значит, будем драться! Надеюсь, я закончу книгу в этом году, а на следующий год с женой приеду в СССР. Меня очень радует, что в вашей стране переведены мои книги, такие, как «Местами гололед», «Светляки и пламя», и я получаю письма от читателей, в том числе от учителей тех, кто читает мои книги по-немецки. Спасибо им за внимание! А нашу беседу я хочу завершить рассказом о том, как я был в последний раз в США. Я зашел в «Дом немецкой культуры», за столом рядом со мной оказался студент, американец, который изучает немецкую литературу. Я поинтересовался: «С чего начинается в школе изучение истории вашей страны?» «С 1492 года, когда Колумб открыл Америку!» — ответил студент. «А разве до того у этого континента не было истории?» — спросил я. «Ничего не было. Было людоедство!» — ответил он. Вот тебе и Америка, которая хочет нас, европейцев, да и весь мир научить, как надо жить! — со смехом закончил писатель свой рассказ.

Мюнхен — Дортмунд — Москва.

СЕМЬЯ

**Михаил ЩУКИН,
фото Геннадия КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»**

— Как жить начинали! Как все в то время. Время-то послевоенное. Приданое в чемодан умещалось. Квартиры, конечно, нет. Я за квартиру два с лишним года на стройке работала. Потом на завод пошла, где муж. И там вот двадцать пять лет, до самой пенсии. Дети! Дети хорошие, грех жаловаться. Главная моя радость в жизни...

Александра Егоровна прерывает свой рассказ и в который раз спрашивает:

— А почему именно к нам пришли! Мы сильно-то ничем не знаменитые.

Входя в чужой дом, принято говорить «здравствуйте», представиться хозяевам, познакомиться с ними, а уж потом начинать разговоры о деле. Так вот, прежде всего представим наших героев.

КАЗАКОВЫ! Александра Егоровна и Петр Андреевич. Их сын Владимир и его жена Надежда. Их дочь Ольга и ее муж Анатолий. И еще дочь Марина. Есть и внучки.

Все, за исключением Ольги, работают или работали на заводе «Сибэлектромотор», одном из крупнейших в Томске. Если сложить общий трудовой стаж Казаковых, то цифра получится внушительная.

1

В последнее время заметно возрос интерес к семье как таковой, появляется немало статей о семье, идут разговоры о феминизации мужчин, об эмансипации женщин... Иногда, начитавшись и наспорившись, чувствуешь, что сам заблудился в трех соснах.

Когда я познакомился с Казаковыми, все бумажные сражения сами собой забылись. В этой семье хозяин остается хозяином, хозяйка — хозяйкой, хранительницей, так сказать, очага. Он и она. Мужчина, отец, а рядом — женщина, мать. Этот союз создает устойчивость, без которой жизнь не жизнь. Говорят: без мужчины дом сирота. Но он сирота и без женщины! И без детей... Так было всегда. Было?.. И что надо, чтобы так было?

Начнем с самого больного вопроса, который, как утверждают, является камнем преткновения для многих семей,— начнем с жилья. Первое время, когда Владимир женился, а Ольга еще была не замужем, жили вшестером под одной крышей. То есть в двухкомнатной квартире. Ситуация, многим знакомая. Из-за мелочей могут, как сухая солома, вспыхивать взаимные претензии между свекровью и снохой, а сын и молодой муж начинает метаться между ними, сначала пытаясь примирить... Ничего подобного в семье Казаковых не случилось.

— Я сразу сказала,— вспоминает Александра Егоровна,— Надя, ты моя дочь. И относилась к ней как к дочери. Конечно, иной раз хотелось вмешаться, но понимала, что народилась другая семья и не надо в нее без надобности со своим лезть. И мой сын теперь не одной мне принадлежит. С этим надо было смириться. Добром старалась, только добром.— Александра Егоровна смущенно признается.— Хотелось, конечно, чтобы Надя меня мамой называла. Помню, мы как-то в саду были, малину брали, она кусты раздвинула, ягоды мне протягивает и говорит: «Мама, возьми». А у меня прямо соловьи на душе запели, и слезы тут как тут, рядышком...

Александра Егоровна — пример доброты и отзывчивости. Часто болеет, но всегда находит время для внучек и для дальней родственницы, за которой тоже надо присмотреть. Как от камня, брошенного в воду, расходятся круги, так и доброта Александры Егоровны отзывается в душах близких. Недавно болезнь подступила к ней вплотную... Владимир взял отпуск и почти месяц провел у постели матери сиделкой. И, как само собой разумеющееся, звучит рассказ старшей из третьего поколения — Жанны (дочка Владимира, первая внучка у Казаковых), которая рассказывает о тимуровской работе, о том, как они с подружками ходят к одной престарелой женщине, помогают ей поддерживать порядок в квартире, бегают в аптеку за лекарствами. Круги добра расходятся все дальше и дальше...

Сначала Владимиру и Надежде с маленькой Жанной завод выделил комнату на подселение. А когда родилась еще и Наталья, молодым Казаковым дали двухкомнатную квартиру. В ней теперь и живут. С немалыми бытовыми трудностями — вода на улице. Когда приходилось купать девочек или затевали стирку, воду в ведрах носили на второй этаж. И сейчас, конечно, носят. Быт, от которого никуда не денешься. И о который, очевидно, разбилась не одна любовная лодка... А здесь лодка эта знай себе плывет и плывет. Владимир шутит: «Зато мышцы накачал — во!»

Оптимизм и какое-то мальчишеское лукавство так и рвутся из него. И чем больше приглядываешься к нему, тем больше понимаешь атмосферу, в которой живет молодая семья: от трудностей никуда не денешься, они были и будут, надо только не растерять главного. А что главное? Главное — жизнь. В семье Казаковых о чувствах и об отношениях друг к другу вслух почти не говорят. Здесь не слова — поступки. Дело ценят больше.

Александра Егоровна и Петр Андреевич остались сейчас с Мариной. Старшие живут отдельно — только в пространственном смысле. Как и прежде, все Казаковы крепкими нитями связаны прежде всего с родительским домом. Как праздник, так все собираются у матери. И Александра Егоровна заранее печет пироги, готовит для внучек подарки и для всех вместе и для каждого в отдельности тихую улыбку и доброе слово.

Казаковы любят семейные праздники. И, не желая расставаться, зачастую остаются ночевать у родителей. Александра Егоровна в одной из комнат стелет общий «топчан» — от балкона до порога. Третье поколение особенно любит такие ночевки, то-то визгу, смеха, а потом угомонятся и слушают старших, какое детство было у них, как были-жили дедушка и бабушка в войну и после войны.

2

В рассказах Казаковых всех возрастов то и дело мелькала фраза «У нас на мичуринском...». «Мичуринским» они называют садовый участок за городом. Формально он принадлежит родителям, а фактически — всем. Летом, в выходные дни, здесь и собираются. Главный агроном — Александра Егоровна.

Раньше до своего «мичуринского» добирались на общественном транспорте, а в прошлом году купили машину. Купил Владимир, а пользуются машиной, разумеется, всей семьей. Потому что и покупали ее в складчину. В один рейс нельзя всех увезти? Не беда, делают два рейса. Труд не велик, зато радость какая! Летом часто ездят за грибами, за ягодами.

И снова думаешь, как это может быть, что в некоторых семьях подобные совместные приобретения становятся не радостью, а причиной разногласия? И даже ссор! Так что же, выходит, все-таки не рядовая эта семья? Не такая, как все? Не как все! И все же обыкновенная. Просто у Казаковых сильно чувство родственности. Они имеют все необходимое, что нужно людям духовно здоровым и живущим вместе, р о д н ы м. Родство их не показное, не вымученное. Конечно, случаются и у Казаковых непонимания — кто от этого застрахован? Дорого то, что они умеют спокойно разговаривать, умеют не раздувать, как тлеющую головешку, спор; и уж никто из них не подбрасывает в огонь новых веток!..

Закон один для всех: «Как аукнется, так и откликнется». Не делай другому того, чего не хочешь для себя. Александра Егоровна всю себя отдавала детям, а теперь это тепло, эта преданность возвращаются к ней. До ухода на пенсию она работала в одном цехе с сыном, и, если они оказывались в разных сменах, а встречались только у станков, Владимир всегда подходил и целовал мать: «Как ты, мамуля?» Он делал это постоянно. И в этом внешне простом поступке, естественном движении души видится большой смысл. Не по праздникам, не на семейных торжествах, не по случаю за накрытым столом, а в повседневной, полной хлопот жизни оказать матери внимание — как этого многим не хватает!

Чем больше узнавал семью Казаковых, тем делалось лучше на душе. Приобретательство, погоня за тем, что у соседа, которая подминает под себя человеческие чувства, Казаковым не страшны. И не потому, что они отказываются от необходимого в быту. Нет, не отказываются — приобретают! Но только то, что нужно. И, главное, что им по средствам, по силам. Сами о том не задумываясь, они не ставят материальное на первое место. Оно у них всегда на втором, не самое главное. Здоровые отношения и хорошее настроение дороже!

Все дни, проведенные вместе с Казаковыми, не покидало светлое чувство. Казаковы жили и на виду чужого для них человека просто, не жеманничая и не скрытничая. Ввели меня в свою жизнь просто и сердечно: смотрите, если надо! Вот такие мы...

Душевная открытость бывает только у честных, сильных, добрых людей. Особенно это заметно по Надежде, внешне немногословной, сдержанной. В первый раз у младших Казаковых я появился без предупреждения, да еще не один, с товарищами из завсдоуправления. И сразу место всем нашлось, и тут же появился чай, разговор завязался сам собою, незаметно и тихо, и всем было легко и свободно. Такая она, Надежда Казакова, хозяйка нового дома.

Надежда и Владимир взрослели по-разному. Один в семье, атмосферу которой я уже представлял себе; другая — в детдоме при живой матери и у дальних родственников. Но жизненные принципы молодых людей оказались одинаковыми. И оказался прочным фундамент их дома, семьи — любовь. А ее не смогут разрушить никакие жизненные потрясения. Володя и Надя поддерживают друг друга. И свою ношу на другие плечи никто из них не перекладывает. Есть мужские дела. Есть дела женские. Условное деление, но есть разница в заботах мужа и жены. Их не трясут взаимные упреки, когда собственные промашки легче всего свалить на ближнего. Но тогда при чем тут любовь? А если вот-вот готов вспыхнуть конфликт, они его гасят шуткой. Молодым легче глянуть друг другу в глаза. Умеют посмеяться над собой. Особенно Владимир.

— Поехали нынче за ягодами. Мне ребята дорогу рассказали. По проселку, мол, и вправо. Прихожу домой — Надюха, готовь кадушки! Поехали. Вправо и вправо, все тайга и тайга, ягодного места не видать. Едем. Вечер, стемнело уже. Рулю вправо и вправо. В четвертом

Семейный разговор. Владимир и Надежда Казаковы трудятся в одном цехе * «Сибэлектромотор» — роботы-помощники.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: У проходной * На репетиции * Домашний пирог — пальчики оближешь * В свободный вечер в театре * Зимний футбол: жаркая схватка * Дела школьные.

1941-
1945

часу ночи гляжу — огни впереди. Томск родной! Ну и смеялись мы с Надеждой!

Он любит шутку. В цехе Владимир работает слесарем. Если стал станок, кричат: «Давай доктора!» Раз доктор, значит, и экипировка нужна соответствующая: нарисовал на своем чемоданчике, где лежат слесарные инструменты, красный крест. Доктор Казаков, на вызов!

За удаль и мальчишество, за надежность и нежность любят его родные. И друзья. Таким Владимир был и на дальневосточной заставе, где проходил службу. Таким остался и сейчас. Александра Егоровна смотрит на него долгим любящим взглядом и негромко, со вздохом произносит: «Только бы войны не было...»

Здоровье у матери отняла война. Девчонкой, в оккупированной Курской области, где она жила со своими родителями, Александра Егоровна прошла через гестапо. Незадолго до нашего приезда в гостях у Казаковых побывал корреспондент заводской газеты. И Александра Егоровна как бы заново пережила пережитое... Долго не могла прийти в себя — раны зажили, а шрамы болят.

3

— А вы вот гляньте, какая у нас мамуля умелица!

Владимир вынес из спальни самодельное одеяло и раскинул его на полу. И словно разноцветные стеклышки вспыхнули в комнате. А казалось бы, чего уж проще — лоскут к лоскуту пристрочены... Но так они были подобраны, с такой любовью и вкусом подогнаны, что одеяло радовало глаз.

— Да что ты, сынок, нашел что людям показывать!..

— А разве не красиво?

Красота ценится в этой семье. Красота, сотворенная своими руками. В доме у Владимира и Надежды бросился в глаза миниатюрный старинный теремок, сделанный, как оказалось при ближайшем рассмотрении, из спичек. Изделие Александры Егоровны. Она не привыкла без работы. Сделает, сама полюбуется, внучкам отдаст. И тем радость, забава — настоящий теремок на телевизоре! А про одеяла лоскутные радужные и говорить нечего: по всей стране разъехались вместе с родственниками — от Дальнего Востока до Прибалтики!..

Только деду вот, смеются Казаковы, не повезло. Некому передавать свое мастерство: четыре внучки. Взялся перед Новым годом елку устанавливать и вслух подосадовал:

— И молоток есть, и гвозди, а внука нет, нет помощника!

Такие люди Казаковы — надо им обязательно передать или подарить другим то, что сами имеют. Отдающий, как утверждали древние, всегда богаче! Наверное, стремление именно к такому богатству и привело молодых Казаковых в заводскую художественную самодеятельность. Там они старожилы.

— Мне еще до замужества, когда в общежитии жила,— вспоминает Надежда,— всегда соседки говорили — да полежи ты, куда опять понеслась? А я на репетицию! Нравится до сих пор. Как праздник!

Точно так же об этом празднике мог бы сказать и Владимир.

Мы все жалуемся на нехватку времени. А беда не в дефиците времени, а в нас самих. Именно эти мысли преследовали, пока шла репетиция. Тут все единомышленники. В зале и на сцене витал дух общей веселости. Надежда поет и танцует, Владимир поет и читает юмористические рассказы.

Жанна не пропускает ни одного занятия в бассейне, а младшая, Наталья, ходит в танцевальный кружок и уже со знанием дела принимает участие в семейных концертах.

А бывают дни, когда все Казаковы становятся активными футбольными болельщиками. На заводе «Сибэлектромотор» очень любят зимний футбол. Владимир — член цеховой команды. Но сражаются на заводском поле не только между цехами. Бывают и совсем необычные матчи: например, недавно ветераны заводского футбола играли со сборной ансамбля «Песняры». Можно представить, какой был матч!

* * *

Вот так и живет эта рабочая семья, крепко-накрепко связанная с родным заводом, Томском, Сибирью. Живут не тужат, делают электромоторы, занимаются любимыми делами. Жизнь эта полна радостей и забот. Как говорится, скромные советские люди, не сильно знаменитые.

Бабушкин подарок внучкам * Не покидаешь — не поедешь.

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Игра

Рисунки Е. БОНДАРЕВОЙ, А. УСТИНОВИЧА

«Сумасшествие! Пошлость! Я отвратителен сам себе! Неужели я так унизился в той игре клоунством и ерничеством? Впрочем, можно ли было говорить серьезно? Смеяться, только зло смеяться!»

— Честь имею, честь имею,— насмешливо сказал он шепотом и открыл глаза, с непониманием оглядывая знакомую комнату.

— Что вы, Вячеслав Андреевич? На правое ухо глухарь я малость, не разобрал. Задумались вы немного.

— Вероятно...

Он туманно взглянул на Молочкова, оборотившего к нему выжидательно улыбчивое, как всегда, угадывающее его настроение лицо, и, мгновенно приходя в себя, со стоном отбросился в кресле, вспомнив всю сцену в кабинете директора студии так подробно и ярко, что мнилось: эта сцена не привиделась ему в гневной неудержимости и вспыльчивости — и теперь еще оставалось чувство презрительного удовлетворения, гадливой жалости к пухлому, раздувающемуся в задышке горлу Балабанова, суматошно елозившего ногами по полу.

Но в то же время, когда Крымов приехал на студию, встреча и разговор с Балабановым — после уже пережитой в воображении сцены по дороге с Петровки — представились настолько унизительной, никчемной мстительностью, не способной ничего исправить, что, охлажденный, сразу ощутив усталость, он поднялся на лифте в съемочную группу; а там в своей комнате сел в кресло и попросил Молочкова, чтобы принесли альбом с фотографиями утвержденных и неутвержденных кинопроб.

«Так было или не было? А был ли мальчик-то?»

— Вы чего-то сказали, Вячеслав Андреевич?— повторил встревоженно Молочков, раскладывая альбомы на столе.— Сам я вам фото принес. А Женя Нечуралов в павильоне.

— Пригласи его ко мне, если он в зоне досягаемости. Пошли кого-нибудь в павильон.

— С актрисой Евгений Павлович. На свой страх повторную пробу делает. Главную героиню он все ищет. А ведь картина фактически приостановлена, Вячеслав Андреевич. Ох, накостыляют мне как директору. Главное — финансы. Ведь рискую из уважения к вам...

— Ничего, выдержишь,— суховато произнес Крымов.— Тем более у тебя прекрасные отношения с Балабановым. Доверительные, я бы сказал.

— Не соображу я, Вячеслав Андреевич, к чему вы?

— Ну ладно. Иди, Терентий. Дай мне посидеть, подумать.

Ожидая Нечуралова, он курил, листал альбомы, просматривая фотографии утвержденных на роли актеров, придирчиво, с хмурой недоверчивостью вглядывался в глаза, губы, брови актрис, которых пробовали на главную роль, в череду молодых лиц, ставших плоскими, красивенько-скучными, как вдруг в зрачки ему глянули насквозь пронизанные солнцем, по-детски незащищенные глаза Ирины, чуть-чуть тронутые тенью грустной улыбки. И в ту же секунду он увидел другое лицо — белое, гипсовое, полуприкрытые ресницы, пропускавшие влажный зеленый свет глаз, беспомощно потекшую тушь по щеке, в этой последней, запредельной неопрятности, равнодушной к смерти,— и опять удары струй в стекло, рев мотора, шум дождя и миндальный холодок ее мокрых волос, преследовавший его с тех страшных минут в машине. Потом возникло окно в конце длинного коридора и какой-то плотский запах туалетной воды или одеколона, уловленный от трясущейся седой головы Вениамина Владимировича,— неужели не существует где-то в мире спасительного заговора, молитвы о забвении, о снисхождении памяти?

«Если бы я смог благодетельным чудом не вспоминать, многое стало бы легче в моей жизни. Он, отец Ирины, был прав, и не прав был я, раздраженный. Он в одиночестве с новой женой жил лишь дочерью, и хотел знать виновного, и поверил всему, что было против меня. Что ж, изощренность боли, вины и обвинений — как это знакомо! Не рождено ли это нашим милым цивилизованным веком?»

Крымов захлопнул альбом, в усталой задумчивости разглаживая лоб и переносицу, затем снова раскрыл его, и снова наполненные солнечным светом глаза, чуть затененные отдаленной настороженностью, заулыбались ему навстречу с глянца фотографии. «Дело жизни, назначение ее — радость». Он вспомнил, как она, освещенная сзади белым водопадом солнца, льющегося с монастырского двора, медленно покачиваясь, спускалась по каменным ступеням в сыроватый полумрак церкви в тот июньский день; и уже как-то осознанно и твердо решил, что вторую Ирину на главную роль вряд ли найти, поэтому картина не получится такой, какой была задумана, впереди его ждет горький вкус поражения, ни разу еще с полной обнаженностью не испытанного им.

— Разрешите, Вячеслав Андреевич?

Запыхавшись, вошел Женя Нечуралов, второй режиссер, в донельзя потертых вельветовых брюках, в ковбойке, весело-кареглазый, молодой, стыдливо скрывавший бородкой молодость и некоторую застенчивость из-за своей способности смугло краснеть. Второй режиссер в съемочной группе Крымова был преданно и неистощимо влюблен в кинематограф, в великие картины мира, великих актеров, организационную суету подготовительного периода, телефонные разговоры, поездки для выбора натуры, строительный дух досок, клея и лака, свежих декораций павильонов, был влюблен в таинственно гаснущий свет просмотрового зала перед ожидаемым колдовством отснятого материала, во все то, что было признаками серьезного кино; эту влюбленность с первого взгляда почувствовал в нем Крымов два года назад, взяв его для работы над фильмом «Необъявленная война», а позже — на новую картину.

— Как дела, Женя? — Крымов оторвался от альбома, махнул сигаретой в направлении кресла против стола.

— Живы, несмотря на все принятые меры. Вы не представляете, как мне сегодня посчастливилось, Вячеслав Андреевич. Я не думал, что вы приедете! — заговорил Женя расторопно, опускаясь на краешек кресла и не без зоркого интереса заглядывая в альбом на рас-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—9.

крытую фотографию.— А я, знаете, буквально десять минут назад сделал пробу Шатровой... Та, из Малого театра, и клянусь вам — это феномен! Молодая, фигурка, глаза такой глубины — можно утонуть и не выплыть, великолепно двигается, какая-то загадочная улыбка. Неделю назад кончила сниматься у Полищука. Как было бы здорово, если бы вы ее посмотрели! Она еще здесь, взгляните мельком и скажите, да или нет. Вы убедитесь: в ней что-то есть! Позвать?

— Что-то есть,— повторил Крымов невнимательно, закрывая альбом.— Что-то — это еще только что-то.

— Если можно, Вячеслав Андреевич, если уж вы приехали, посмотрите на Шатрову. На Машу!— взмолился Женя, и лоб его начал смугло розоветь.— Она еще не ушла. Я сейчас приведу ее. Вы сами убедитесь, насколько она близка Скворцовой.

«Да этого быть не может,— подумал с сопротивлением Крымов, все еще ощущая живой блеск глаз, грустно глядевших ему в зрачки.— Что тянуло меня к этой слабой и сильной девочке с несчастной судьбой? Соучастие? Жалость? Разгадка тайны? Или тяга к таланту ее необычной женственности, которая уже редкость?»

— Ну давайте посмотрим, давайте, Женя, пригласите Шатрову,— сказал ворчливо Крымов и заходил по комнате на сквозняке близ окон, раскрытых в шум студийного двора. И неизвестно почему захотелось уехать куда-нибудь: сесть одному в купе, с бездумным облегчением растянуться внизу на хрустящей от свежести постели в неуклонно несущемся перед сумерками скрипящем, качающемся спальном вагоне, словно бы заполненном золотистой пылью, с пыльными двойными стеклами, по которым долго скользит поздний летний закат, постепенно перемещаясь лучами по глянцу пластика, янтарно озаряя край верхней полки, пуговицы пиджака на вешалке, что мотается равномерно из стороны в сторону, напоминая о сладком одиночестве в запертом купе, твоем маленьком прибежище, где нет ни обязанностей, ни телефонных звонков, где можно наслаждаться мыслями простыми и поднебесными, какие приходят в поезде, когда знаешь, что ты вправе, не сказав никому ни слова, сойти в пять часов утра на случайной станции с неизвестным названием наподобие Райки, вдохнуть сырость смоченной обильной росой захолустной платформы, увидеть, как в тумане низко плавает малиновый шар солнца и в белом шевелении парят над землей дальние силуэты ветел, крыши деревни...

— Разрешите, Вячеслав Андреевич?

— Входите, Женя!— отозвался Крымов намеренно громко, чтобы стряхнуть дорожное наваждение: мечта о дороге была признаком крайней усталости.

Женя Нечуралов ввел Шатрову в комнату и, не скрывая ласкового восхищения, представил ее. Она же робко остановилась подле Крымова, косея от волнения ангельски синими глазами, робко подала влажные пальчики.

— Прошу вас, садитесь,— сказал Крымов.

Она села на диван и вся замерла с выпрямленной спиной, вытянутой гибкой шеей, бледное, овальное, только что умытое после грима личико заметно напряглось в страхе близкого приговора. А Крымов с болью подумал, как трудно будет отказывать ей, как этот отказ обескуражит старательного и влюбчивого Женю, однако еще не мог точно определить, что в облике Шатровой настораживало, не совпадало, раздражающе мешало ему,— не слишком ли строгая, образцовая эта красота без какой-либо загадки?

— О чем сценарий, вы знаете?— спросил он насколько можно мягче.

— Мне рассказывал Евгений Павлович, когда готовили пробу.

— И как вы понимаете — о чем идет речь?

— О молодежи. Об отцах и детях.— Она легонько улыбнулась и испуганно согнала улыбку с пухлых губ.— О смысле жизни...

— И вы хотели бы сниматься в этой картине?

— Очень.

— Почему вы улыбнулись, когда сказали о смысле жизни?

Она чуточку повела плечом.

— Я думаю, что большинство людей живет сейчас одним днем, Вячеслав Андреевич.

— Может быть, поэтому и стоит звонить в колокольчик?

— Не знаю, Вячеслав Андреевич. Я живу надеждой сыграть современную Лизу Калитину. И не везет.

— Вы думаете, они есть в жизни, тургеневские девушки? Не вывелись ли они вместе с усадьбами?

— Немножечко есть.

— Хорошо, не буду вас больше мучить. Спасибо. Посмотрим пробу, увидим, как вы будете выглядеть на экране.

— Я вам не понравилась. «Не нра», как говорят у нас в театре.

И она, моргая удлиненными ресницами, щелкнула замочком сумочки, потянула оттуда пачку сигарет, но тут же раздумала, опустила сигареты обратно в сумочку, сказала с многоопытной печалью, удивившей его несоответствием с ее победительной внешностью:

— Самое невыносимое и стыдное в нашей профессии — момент, когда тебя выбирают. Не те губы, не та фигура, не тот голос. До свиданья, Вячеслав Андреевич. Какой вы счастливый человек — выбираете вы...

— Вы ошибаетесь, наверно. Никто не знает, мы выбираем судьбу или судьба нас,— ответил нехотя Крымов.— Счастлив своим заблуждением тот, кто считает других людей счастливыми. Нет, вы понравились мне, хотя я не понимаю в искусстве этих «нра» и «не нра». Решает необходимость, как вы знаете. Вселять особенную надежду в вас я не хочу.

— Я понимаю. Успеха вашему фильму. Я вас люблю как режиссера...

— Благодарю вас.— И он несильно пожал ее трогательно шевельнувшиеся в его ладони пальчики.

Женя предупредительно открыл дверь и вышел проводить Шатрову до лифта. Он вернулся минут через пять подавленный, облокотился сзади на спинку кресла, уткнув кулаки в бороду, забормотал растерянно:

— Почему она вам не понравилась? Какие глаза, какая фактура! Стоишь рядом — и пробегает электричество!

— Лучшее в искусстве, Женя, было создано при свечах. Нам с вами в героине нужно «чуть-чуть», а не «все». Иначе некуда будет двигаться. Давайте искать внутренний свет. Впрочем, вы это понимаете. Шатрова при всех данных не подойдет. Прекрасные данные, но что-то жесткое в лице, прямизне носа... Однако, Женя, мне показалось...

— Что вы, что вы, Вячеслав Андреевич, у меня ничего...

И Женя, тиская кулаками бороду, страдальчески заговорил, подобия морщин сбегались на его молодом лбу:

— Действительно, актеры на пробах должны чувствовать себя отвратительно. Мы выбираем их, как лошадей на ярмарке. А женщин... Смотрим зубы, ноги, походку. Это все-таки унизительно и цинично, Вячеслав Андреевич! Вот скажите, вы не ошибались, не жалели, что отказывали?

— Жалел и ошибался. Но уже готовый фильм кривыми ножницами не исправишь. Будь вы хоть дважды гениальным, фильма нет, если нет героя или героини. Плохой фильм — вот это бесстыдство и цинизм перед глазами миллионов. Поэтому, Женя, мы обязаны быть беспощадными в выборе актеров. Впрочем, вы парень способный и всю эту премудрость отлично понимаете.

— Н-не все.

— А именно?

— Разве вы долго искали и выбирали Ирину Скворцову, Вячеслав Андреевич?

— Я увидел ее в театре два года назад, когда замысел фильма еще был смутен. Кинопробы можно было не делать. Все было ясно: взгляд, жест, движения, внутреннее изящество... Одна ее улыбка, то ли виноватая, то ли грустная, была целый сценарий, если хотите. Можно было представить ее любовь, беззащитность, неудачное замужество, разочарование, смирение, надежду... Такие, как Скворцова,— редкость, особенно среди актрис.

И Женя сказал стесненно:

— Вячеслав Андреевич, я вас очень уважаю. Но ведь это не так...

— Что не так? Говорите уж до конца, коли начали. Не об уважении ко мне, а о том, что подумали.

Обеими руками охватив каштановую бородку, Женя глядел в пол, не решаясь ответить, сокрушаясь оттого, что не вправе поправлять своего маститого учителя, уличать его в неискренности, и Крымов видел эти мучительные колебания, несмелую заторможенность на его лице и поторопил грубовато:

— Ну, прите напролом, режьте правду-матку, не стесняйтесь!

— Вячеслав Андреевич, мне неприятно вам говорить плохое...— смущенно забормотал Женя.— Но скажите, вы не отказали Скворцовой, когда последний раз ездили на освоение натуры?

— В чем отказал?

— Отказали ей в роли и...

— И? Прите, прите дальше, ломайте все заборы.

— Мне неудобно, Вячеслав Андреевич...

— А что там неудобного? Прите напрямую, яснее обоим будет.

— Говорят, что она была влюблена в вас, а вы в нее... Она требовала, чтобы вы развелись и женились на ней. А вы не могли... и в тот день, когда ездили на натуру, порвали с ней. А она хотела отомстить вам... страшным самоубийством...

Женя запинающейся скороговоркой проговорил это и замолк, глянув на Крымова охолонутыми страхом глазами, затем как-то прибито сник, выражая виноватость наклоненной головой, мальчишеской шеей и даже оттопыренным, не вполне опрятным воротником своей поношенной ковбойки.

— И вы верите, Женя, жестокому мещанскому сюжету и пошлейшей чепухе? Неужели верите? Вы спросили меня, как будто упрекнули, и испугались,— сказал Крымов, подавляя в себе вспыхивающий огонек раздражения.— Так неужели вы верите слухам? Или хотите поверить, потому что слабы, как все люди-человеки?

— Я не хочу, нет...— ответил Женя сжатым голосом, как бы приготавливаясь понести расплату.— Но почему многие говорят о вас глупости, Вячеслав Андреевич, строят разные пакостные догадки? Почему?..

— Да потому что многие до многого не доросли и, если хотите — как бы помягче сказать? —недобры друг к другу. Мы лукавим и обманываем себя, когда говорим о каком-то абсолютно новом человеке нашего времени. Однако, Женя, на кой черт нужно наше искусство, если все поголовно ангелы? Так вот я о чем. Представьте, что вы, приличный по всем статьям молодой человек, пришли к не менее приличной, но одинокой девице. Вы пробыли у нее час, случайно или не случайно отмеченный зоркими соседями. Каково же назавтра так называемое общественное мнение? Оно однозначно осуждающее — совершилось грехопадение. Вряд ли кто возразит, что вы перебирали у нее книги и спорили о Феллини. Огорчительно то, что мы попадаем в плен лживых, завистливых и развращенных представлений друг о друге. Понимаете, Женя? Кто-то из прагматистов умело, а может быть, по большой глупости подменяет душу человека пошлостью, и совесть сладко задремала у телевизора. Впрочем, вздыбленная совесть — опасная штука для себя и других. Жизнь становится невыносимой, когда не сиюминутными удовольствиями, а по нравственным законам жить надо. Так, Женя, или нет?

— Вячеслав Андреевич,— проговорил Женя, поеживаясь,— вы с какой-то грустью на людей смотрите...

— Не с грустью, а с великой досадой,— ответил Крымов.— Потому что это время больше мое, чем ваше. Ваше еще будет. Кстати, наверное, вы на повороте...

— Я? На повороте? Куда?

— Имею в виду вашу карьеру,— сказал Крымов преувеличенно равнодушно.— Если уж будет окончательно подмочена моя репутация и... прочая, прочая, прочая, то мое место займете вы, Женя, и будете снимать мою картину.

И Женя так резко дернулся головой кверху и так отчаянно исказилось гримасой его зардевшееся яркими пятнами лицо, что показалось: неожиданная боль пронзила его.

— Никогда. Ни за что!

— Поясните.

— Я никогда не займу ваше место!— заговорил, яростно захлебываясь, Женя.— Тот, кто занять ваше место хочет, круглый болван! Болван и еще раз болван! Кому пришло такое в голову?

— Одному болвану — мне. Я был бы доволен.

— Вячеслав Андреевич, я преклоняюсь перед вашим талантом и поэтому не смогу сделать такую картину. Она мне не по зубам. Может быть, когда-нибудь я сделаю и свое... но это ваша картина. Я у вас учился и помню: каждый должен шлепать в собственных галошах. В своих, в своих!

— В собственных галошах — это верно,— сказал Крымов и задумчиво посмеялся.— И все же в земной жизни возможно все.

— Вячеслав Андреевич! Я не предатель!— выговорил Женя ожесточенно.— Я никогда не соглашусь!..

Он, волнуясь и торопясь, стал неловко выдирать пачку дешевых сигарет из нагрудного кармана ковбойки и, закурив, надсадно выкашлянул дым.

— Никогда, никогда,— поспешно повторил Женя с негодованием.— Я знаю, почему вас недолюбливают некоторые из Комитета кино да и некоторые деятели на студии! Не любят и опасаются! Потому что вы в собственных галошах ходите! А этого они не ценят, умишко у них конформистский, трусливый! Да и хлеб с маслом терять никак не хочется. Я слышал, как один осел, у которого всегда полные штаны, в своем кабинете кому-то сказал: «Поразительная способность у Крымова наживать себе, мягко выражаясь, оппонентов! Чего ему не хватает? Известности? Денег? Неуправляемый левак и эгоист!» Развелось таких оппонентов в кабинетах — уйма, и каждый двумя руками держится за кресло, а зубами — за стол! И почти все — неумейки!

Крымов опять засмеялся.

— Закончим на этом разговор о чиновниках кино. Давайте подумаем, Женя, как жить дальше. Отстреливаться до последнего патрона или будем сдаваться в плен на милость оппонентам?

Он дружески взял Женю за локоть, встречая его засветившиеся слабой улыбкой карие глаза, договорил со своей обычной шутливой уверенностью:

— Отстреливаться, Женя, до последнего! Продолжайте искать героиню. Когда невмоготу будет, я подам сигнал, и вы выйдете из окружения. Я отстреляюсь тогда один.

— Вячеслав Андреевич! Зачем вы?..

— Милый Женя, вы еще молоды и не знаете, что обстоятельства бывают сильнее нас. Спасибо за участие.

— Вячеслав Андреевич!

— Вы не хотите от меня принять солдатское спасибо?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Через полчаса Молочков повез Крымова на дачу, и он, устало откинувшись затылком на спинку сиденья, закрыл глаза, опять с горечью возвращаясь в пустынный коридор на Петровке, где встретился, никак не предполагая, с Вениамином Владимировичем, с его непереносимой театральностью, казалось, неподвластной ему, вызванной искренним горем, и после этого безумия то ли наяву, то ли в воображении видел пьющих чай за столиком багрового Балабанова, по-бойцовски засучивающего рукава на коротких руках, костистолицего Пескарева с подвернутыми под кресло ногами, слышал свою изысканно шутовскую речь, предназначенную им обоим, и одновременно жалел и не жалел о вылитой иронии в пошлейшей клоунской игре с ними. Но было это или не было? И что-то мешало ему, раздражало неуловимым новым беспокойством, причины которого он еще не определил, подобно тому как иногда в сложный момент необходимо вспомнить нужную фамилию, а ее, проскальзывающую тенью, невозможно поймать в памяти.

Как только выехали со студии в накаленный центр московских улиц и, подолгу задерживаясь, стали изнывать в вони выхлопных газов на забитых перекрестках, общительный Молочков попробовал заговорить («Ай, умереть можно: чистая Сахара!») и деликатно кряхтел, поминутно вытирая тряпкой потеющие на руле руки, но Крымов неохотно сказал: «Отдышимся и помолчим, Терентий, если не возражаешь»,— и замолчал, невнимательный к асфальтовому пеклу, пылающему аду улиц, к старанию Молочкова быть упредительным, неунывающим, как и полагалось, наверное, быть финансовому королю картины во всех жизненных обстоятельствах.

«Значит, я еду на дачу?— думал Крымов, настраиваясь на домашний лад.— Да, душ под яблонями, милая моя Таня, постоянный мой праздник, и Ольга с тихими бархатными глазами, которая так умеет молчать, когда недовольна мной... Два моих особенно любимых существа на земле, без которых не было бы жизни. Да, да, умиление и нежность... И чересчур серьезный Валентин, загадочный в чем-то, что-то тайно желающий свое, и его невеста Люся, Людмила, неразгаданная, остроносенькая, но тоже желающая что-то свое... Так что же со мной? Раньше я ехал на дачу с радостью, а сейчас? Там есть мой кабинет в мансарде, книги, тахта под раскрытым окном, покой, тишина, в которой можно думать... Странно, я приехал из-за границы и так и не поговорили с Ольгой».

И снова, едва он начинал думать об Ольге, соскучась по ней, он томительно чувствовал раннюю весну, горную свежесть в воздухе (где-то поблизости были Альпы), праздную толпу, текущую мимо уже жарких витрин магазинчиков, и видел далеко внизу, за каменным парапетом, от которого пахло теплом, апрелем, маленькую, заставленную машинами площадь, всю в нежной зелени платанов, в раскинутой по газонам весенней сети из теней солнца,— в ту пору первых поездок за границу было ощущение близкой радости, любви, беспечной молодости. Эту уютную площадь он терпеливо искал в последующие приезды в Австрию и не нашел ни в Вене, ни в Зальцбурге. А иногда представлялось ему, что он не мог найти не площадь, согретую апрельским днем, а ту весну, молодость, ту счастливую надежду пятидесятых годов, которая не сбылась... «И все-таки неужели ниточкой прошлого эта площадь связана с Ольгой? Я был за границей один, а она оставалась далеко в Москве... Я скучал, мечтал встретиться с ней на такой вот площади и вместе испытать молодой ветерок беззаботности...»

— Вячеслав Андреевич, дремлете, а?— Сквозь гул мотора, гася весну, зелень платанов на площади, обыденно и поэтому раздражающе вполз вкрадчивый голос и повторил: — Не задремали под шумок мотора, а?

— Бодрствую.

— А Евгений Павлович сурьезный человек. Интерес у него к работе есть.

«Опять Терентий с неизлечимой общительностью и хозяйственной заботой, потерпел бы, родной».

— Ты о Нечуралове?— спросил Крымов, не открывая глаз.

— О нем, Вячеслав Андреевич.

Крымов разомкнул веки, еще отяжеленные забытьем. Машина миновала серые башни на окраине Москвы, неслась по выжженному добела асфальту кольцевой дороги, слева зубчатым забором мелькали ели, меж ними сквозили желтеющие поля, и в загородном водопаде света подрагивал выжидательной улыбкой узкий рот Молочкова.

«Любопытно — лицо у него гладко выбрито, как будто не растет ничего, а шея в крупных морщинах,— заметил Крымов.— Вероятно, крепок здоровьем, несмотря на худобу».

— Положительный он, Евгений Павлович. Не согласны вы?

— Согласен. Ты на дорогу смотри, на меня смотреть не обязательно.

— Не волнуйтесь. Знаю я, кого везу-то,— пропел по-бабьи утешительно Молочков.— Считайте, я вас на фронте везу. Ну, вроде где-нибудь на Днепре. Ежели б я тогда на права сдал, то с вами бы в разведке не был.

— А ты что вспомнил разведку, Терентий?

— Все я забыл начисто. И помнить не хочу. Вас вот помню только, потому и люблю.

И волнистая ласковость в голосе, и чрезмерная обходительность, и суетливая проворность его малорослой фигурки, и постоянная неумеренная уважительность, неистребимо проявляемая к Крымову, солдатское обращение к нему на «вы» — все эти особенности Молочкова, не успевшие до дна раскрыться на войне, были с любопытством обнаружены Крымовым при первой же встрече шесть лет назад. Он относил это новое, ставшее неотде-

лимым от Молочкова, к форме самозащиты, очевидно, выработанной раз и навсегда бывшим неудачливым разведчиком Терентием, сильно побитым жизнью и в послевоенные годы.

А встретились они нежданно-негаданно на Калужской площади возле автоматов с газированной водой в воскресный июньский день, весь заметеленный тополиным пухом, и, если бы не пушинка, прилепившаяся к краю стакана Крымова, они не обратили бы внимания друг на друга. «Ой, глянь, как села, прямо в рот летит, стерва»,— сказал кто-то, подошедший сбоку, и, перхнув безразличным хохотком, протянул по-обезьяньи цепкую загорелую руку к стакану в соседнем автомате. Крымов взглянул и сначала не поверил: «Не может быть!»

Из взвода полковой разведки дошедших до Германии солдат в живых не осталось никого, он уже неясно помнил их лица, а эту жилистую, цепкую руку он запомнил на всю жизнь, она даже снилась ему, судорожно царапающая пороховой снег на скате воронки... Да, это был Молочков, солдат из взвода разведки, когда-то очень худой, похожий на злого подростка, с наглыми желтыми глазами, ядовитый на язык, носивший трофейный ремень с парабеллумом, по мнению многоопытных разведчиков, бьющим точно, жестко и гулко, и немецкие офицерские сапоги, залихватски собранные в гармошку на его тонких ногах. Но Молочков, узнанный в тот тополиный день по руке, стремительно схватившей стакан, был не тот ловкий любитель прибауток и деревенских частушек и не тот обезумевший парень, раздавленный страхом под огнем пулеметов на нейтралке, растерявший волю за несколько часов, а был помятый человек мелкого роста, в потертом костюмчике, донельзя застиранной рубашке, при галстуке, повязанном неумело; глаза его напрягались по-прежнему бойко играть, но были как обсосанные леденцы, и нездоровая бледность выявляла серую щетинку на щеках. И Крымова удивил его взгляд, собачий, заискивающий, когда в машине спросил, куда поехать выпить ради встречи — домой или в ресторан. Молочков, не решаясь удобно отвалиться на спинку сиденья, ответил, что домой бы лучше, ежели можно, с женой познакомиться, не без робости оглядывал салон машины, чехлы и привешенную Таней к зеркальцу в виде талисмана лохматую нелепицу.

Дома у Крымова он скоро захмелел, оживился, держал нож и вилку, отставив мизинец, и, все-таки запинаясь в присутствии сдержанно гостеприимной Ольги, рассказал невеселую послевоенную свою историю. В сорок пятом году вернулся в колхоз под Воронежем, мужиков — полтора человека, одни бабы, поэтому без раздумывания устроился по причине ранений работать кладовщиком, да жизнь пошла на каверзную неудачу, вроде барометр на бурю: жениться не успел, красивые бабы не давали выбрать единственную, поили самогоном, как быка, а потом перекувырк случился. Кладовую городские воры обокрали и подожгли, а отвечать пришлось ему по суровым послевоенным законам, в сорок девятом году судьи дали на хорошую катушку статью, отчего в холоде и голоде валил лес на северных реках. А срок отбыл, в деревню не вернулся, решил вольным манером заколачивать в Сибири длинный рубль леспромхозной электропилой и топориком. В тайге большую деньгу не ухватил, потому что женился, сил меньше стало, и обратно душу поманила хозяйственная работа — подвернулось хорошее место по снабжению геологической партии на реке Нижняя Тунгуска (там медведи в обнимку под окнами гуляют). Но в три года поисковая организация закончила дело, и судьба бросила его сначала в таежный городок Киренск, затем в Иркутск, где заведовал и овощной базой, и гаражом, и рабочей столовой до случайной болезни почек («Болотной воды на охоте с устатку напился и заразу какую-то подхватил»). Он заболел, жена ушла от него, от хворого, не мужа и не работника, а он после болезни, долгого лечения заимел стариковскую мечту перебраться поближе к Москве, в Химки, к родной сестре, которая жила одна, вдовой, и тут хотел устроиться по профессии, по снабжению на вагоностроительный завод, да ничего хорошего, никакого приличного места пока нету. «Все обещают: заходите, заходите, а денег ни гроша, на сестрину пенсию хлеб жевать совесть не позволяет, хоть плачь, на сухарях живу, у сестры не обедаю. Куплю в целлофане сухарей, где-нибудь на бульваре погрызу и вроде по-солдатски сыт!»

И, рассказывая, сильно опьяневший, он действительно захлюпал носом, и было Крымову больно, жалко видеть его измятый, затерханный пиджачишко, его растянутые плачем губы и то, как он при этом вилкой тыкал в хлебницу, подцепляя ломоть, как косился на картины на стенах столовой, на вазы, на люстру, видимо, считая это за большое богатство, за роскошь, что заслужил бывший командир взвода, теперь известный человек. И Крымов запомнил хмельную пунцовость его щек, сразу ставших от возбуждения меловыми — темнее, колюче выделилась на них будто вмиг отросшая щетинка, когда он, вытерев жилистым кулачком слезы, сказал срывающимся голосом: «Я раб ваш, Вячеслав Андреевич. Служить я буду вам верно. С вами ведь связаны мы одной веревочкой — воевали вместе. Жизнью вам обязан. Возьмите меня на работу к себе. Много вы можете, знаю я».

Нет, на фронте они не считались друзьями, все было проще, поэтому яснее, и, может быть, связывающей веревочкой была одна неудачная разведка зимой сорок четвертого года. Крымов не забыл ту невезучую разведку и то ли из жалости к Молочкову, то ли из чувства собственной вины помог ему устроиться администратором при какой-то съемочной группе на студии, позже помощником директора и, наконец, директором в своей группе, довольный его расторопностью. И неустанная сверхбодрость, сверхэнергичность Молочкова, его приятнейшие отношения со студийными администраторами, его ласковое умение завязывать добрейшие связи с различными учреждениями, от которых могла зависеть организация съемки на натуре, и предупредительная готовность выполнить любое распоряжение Крымова, покорная, умиленная улыбка благодарности за прошлое и настоящее, культ режиссера в группе, как говорили на студии,— все это, не предполагаемое много лет назад в Молочкове, подтверждало Крымову одно: в разную пору черт или ангел сидит в человеке. «Черт был там, ангел здесь. Или наоборот?» Но к почтительной и преданной исполнительности Молочкова, почасту неприятной, как лесть, он относился со своей обычной иронией, главное же было в том, что денежные, административные и организационные дела под неусыпной властью директора не имели серьезных изъянов. И Молочков за шесть лет работы занял солидное место среди директоров съемочных групп, получил при содействии Крымова квартиру, стал носить аккуратные костюмчики, неузнаваемо чистенький, вымытый, тщательно брился, галстук завязывал умело, купил «Москвич» после премиальных с трех картин и, наконец, в прошлом году женился. Удивительно было то, что в день регистрации брака он попросился к Крымову домой на полчасика по важному делу — «показать невесту, ежели разрешите»,— и приехал с крупной полной женщиной, круглолицей, миловидной, утонувшей в пышном светлом платье, в волнообразных сборках, в веерных складках наподобие белых перьев, и разом квартира наполнилась крепким запахом духов, теплого тела, густым контральто, который она снижала до мелодичного вибрирования, довольно нестеснительно говоря о том, что обожает исторические фильмы, где очаровательные наряды, костюмы, роскошные кареты, балы, где отдыхаешь душой, а Крымов натянуто улыбался, благодаря бога за то, что Ольги не было дома (она не переносила несоразмерные восторги и крепкий парфюмерный запах), и впал в тоскливое отчаяние, не переставая замороженно улыбаться, когда она с радостным изумлением («Ах, какое чудо!») села к пианино, жестом королевской плавности расправила вокруг бедер волнообразные складки и пухлыми пальчиками попробовала клавиши. А Молочков, влюбленно ходивший за ней, весь напрягся стрункой в своем новом костюме, украшенном гвоздикой в петлице, покорно заблестел навстречу ее взору блаженными глазами жениха, закивал просительно: «Спой, пожалуйста, Сонечка, пусть послушает Вячеслав Андреевич» — и зашептал Крымову с секретной значительностью: «Сонечка преподает пение в школе».

Она пела низким контральто о свече, которая горела близ ложа, арию Сольвейг, и Крымов, не любивший домашнего пения, всегда создававшего скованность, видел, как Молочков смотрел на невесту, на ее растягивающиеся, круглые, малиновые от помады губы, умиленный, потрясенный дрожащей мощью ее голоса, видел, как он захлопал восторженно, а она поднялась, небрежно опершись кончиками пальцев на крышку пианино, как бы готовая раскланяться. «Он будет ей служить, это ясно». Через час они ушли, благословленные Крымовым, без торжества вынужденным наедине сказать Молочкову не то, что тот хотел услышать от него («Как вы скажете, Вячеслав Андреевич, так и будет: брать или не брать. Люблю я ее, а совета прошу как у отца»). Он ответил, что в таких вещах никто совета давать не вправе, здесь от Адама и Евы подчиняются чувству, которое может сделать каждого и счастливым и несчастным, но, как видно, выбор сделан. Они поженились, и с тех пор Крымов встречал Сонечку бегло на премьерах картин, всякий раз поражаясь ее дородной полноте кустодиевских купчих, маленькому ротику сердечком, ее бурным певучим восклицаниям, крепкому запаху духов, чему-то пышному, белому, шевелящемуся складками и воланами на бюсте и на бедрах, и было странно видеть рядом с Сонечкой Молочкова, ниже ее на голову, пряменького, благостного, с обожанием прогуливающего под руку жену по фойе.

— Не хочу я пот, кровь и вшу помнить. Жизнь другая кипит. Мирная жизнь, Вячеслав Андреевич.

— Значит, не вспоминаешь?— проговорил вскользь Крымов, глядя на розовое, блестевшее выбритой кожей, счастливое, повернутое к нему лицо Молочкова, очевидно, не ведающего сейчас никаких сомнений и довольного жизнью своей.— Ну, а кого-нибудь из ребят нашего взвода помнишь?— спросил он, ловя в душе какое-то несправедливое раздражение против Молочкова.— Сержанта Ахметдинова, например?

— Смелости он большой был, погиб ужасно,— заговорил Молочков и смахнул обратной стороной ладони капельки пота с подбородка.— А я глупым щенком, недотепой во взвод пришел. Я Сонечке про войну ничего не рассказываю. Стыдно об себе, дураке неотесанном, вспоминать.

— Преувеличиваешь, Терентий,— усмехнулся Крымов.— Временами ты бывал парнишка... как бы сказать... настырный.

— Деревенщина, дегтем смазанная,— вот кто я был, Вячеслав Андреевич,— мелко засмеялся Молочков.— Вспоминать о себе спокойно не могу. Не люблю я себя молодого. Дурак глупый. Умирать никому не хотелось. А я в разведке иногда как безумный становился. Боялся, в плен возьмут, пытать до смерти будут. Спасибо вам... Войну никак не хочу помнить, а вас век не забуду. Гнили бы мои косточки на Украине, ежели б не вы... Гнили бы они в той воронке...

Он снова дробно засмеялся, но тотчас с коротким горловым кашлем повторил, крутя головой:

— Ох, дурак я был! Не люблю я себя молодого! Вы меня тогда, дурака зеленого, пожалели, в сорок четвертом году... А другой пристрелил бы, как собаку. Законы у нас в разведке были — не дай бог. Ежели нюни распустил на нейтралке — пускай девять грамм себе в лоб!

Молочков с сомкнутым ртом напряг лицо в беззвучном смехе, но почувствовалась в этом некая внутренняя злая взъерошенность, навсегда, казалось, утраченная им в настоящей его жизни, что-то вмиг изменившая в нем, как внезапный всплеск в памяти прошлой унизительной беды.

И Крымов вспомнил то, что не хотел подробно вспоминать, то свое полузабытое состояние, которое испытывал в иной жизни, украинской зимой сорок четвертого года, на нейтральной полосе, где вдвоем с Молочковым лежали они в бомбовой воронке, поджидая ушедших вперед разведчиков, когда обоим ясно стало, что разведка напоролась на немцев и не вернется.

Продолжение следует.

Вера ГОРНОСТАЕВА

ШОПЕН

В эти дни польский народ и почитатели музыки во всем мире отмечают 175-летие со дня рождения великого композитора Ф. Шопена. «Огонек»(№ 8) уже обращался к этой знаменательной дате. Сегодня мы печатаем статью заслуженной артистки РСФСР В. Горностаевой, известной пианистки, профессора Московской консерватории.

С детства в наше сознание входят музыкальные имена, которые с годами сами звучат как музыка. Шопен... — и возникает знакомый образ, навстречу слову уже движется в душе импульс, настроенный на эту волну. Такова магия великих имен.

Рождается человек, при рождении ему дают имя, потом проходят столетия. Человека давно уже нет в живых, но остается и живет самостоятельной жизнью его имя. Живет потому, что заключает в себе нечто, ставшее частью общей духовной жизни человечества. 175 лет назад в Польше родился Фридерик Шопен. Его имени было суждено остаться в нашей памяти.

Шопеновский дар столь же высокого происхождения по своей природе, как гений Моцарта или Боттичелли. Его чистый голос слышен сквозь все звуки и шумы земли. Вслушаемся в его музыку, вглядимся в его лицо.

* * *

Из сохранившихся изображений Шопена наилучшие — портрет кисти Делакруа и фотография последнего года жизни, единственная фотография Шопена. И в первом, и во втором главное — явно запечатленное в лице страдание. Это поражает тем более, что портрет Делакруа написан задолго до болезни, оставившей след на последней фотографии. Выраженная в портрете Делакруа боль накладывает свой отпечаток на все настроение картины, высвечивая, по-видимому, самое характерное в душевном строе Шопена. Это лицо человека, тоскующего о навсегда утраченном, дорогом для него мире. Романтическая ностальгия, которую мы ощущаем в портрете Делакруа, питает своими токами и музыку Шопена. Неизъяснимое очарование заключено в известных всему миру шопеновских ноктюрнах, балладах, мазурках. Популярность Шопена огромна и связана скорее всего с пленительной красотой, которая отличает все его творения. Эта красота сама по себе притягательна. Но, помимо этого, невозможно остаться безучастным к особенной, щемящей интонации, которая свойственна только шопеновской музыке. Она прикасается к чему-то незащищенному внутри нас. Пластическое изящество и грация роднят музыку Шопена с полотнами Боттичелли. Те же музыкальные линии, те же утонченные и вечно свежие краски мы видим в «Весне» или в «Венере, выходящей из пены морской».

В XX веке поэт, много раз обращавшийся к Шопену, скажет:

«...рождать рыданье, но не
плакать,
не умирать, не умирать?»

(Б. Пастернак)

Здесь все шопеновское: и гордость, не позволяющая жаловаться, и ранящая сердце музыка, и бессмертие, назначенное судьбой.

Шопен — романтик. В этом понятии два смысла. Один — название направления, к которому принадлежал художник, второй — внеисторический — напоминает, что романтики были и будут во все времена. Во втором случае романтизм — состояние человеческой души, ее настрой: тяга к красоте, «повышенная температура» жизни, приподнятой над повседневностью будней. Понятия смыкаются: одни и те же черты свойственны состоянию и направлению. Романтическое течение искусства отражает вечное явление жизни — ее романтику. Принадлежа к направлению, Шопен как бы стоит особняком. В нем нет увлечения фантастическими образами, тяги к мистицизму, театральности, литературности. Романтизм Шопена очищен от всех наслоений аффектации, его мироощущение реалистично в своей основе. Шопеновские произведения выделяются ясностью музыкальной формы, ее редкостным, поистине классическим совершенством. В его музыке словно оживает легкое дыхание Моцарта. («Если бы был жив Моцарт, он написал бы концерты Шопена». Роберт Шуман.)

Одна из самых неуловимых «стилистических тайн» — интерпретация Шопена. На вопрос, почему Шопен так особенно, так непреодолимо труден для большинства исполнителей, ответ нужно искать, как нам кажется, в редкостном сочетании черт его личности, которые и составляют тайну его стиля.

Шопен требует от исполнителя совершенно особых качеств, артистической культуры. Его изысканность нигде не мешает удивительной простоте и естественности. Его романтическая взволнованность никогда не переходит в театральный пафос.

Для пианистов всего мира Шопен, подобно сфинксу, предлагает трудноразрешимые загадки. Как выразить душевное смятение, страстность, окрыленность шопеновских образов, сохраняя при этом их равновесие, соразмеренность, гармоничность? Как сочетать искреннюю непосредственность, импровизационность шопеновского романтизма с точностью и лаконизмом его музыкальных конструкций? Как передать вдохновенную вспыльчивость шопеновских кульминаций, нигде не нарушив его пластичнейшего и отточенного пианизма? Шопен словно создал для себя с в о е фортепиано, раскрыв в нем новые таящиеся силы. Шопеновский пианизм — величайший пример взаимопроникновения художника и материала: они неразрывны друг с другом. Пожизненная верность одному роялю, пронесенная с убежденностью гения (даже только одно это!), делает его уникальным среди всех.

Шопен создавал свою музыку в малых пространствах (и временных, и динамических). По сравнению с оперными или симфоническими композиторами он художник камерный, но значимость, глубина, масштаб, скажем, сонаты си бемоль-минор не уступают ни в чем великим симфониям.

Уже второе столетие шопеновское творчество продолжает вырастать, углубляться. Оно порождает новые вопросы на пути к его постижению.

* * *

Чистая, почти безоблачная лирика двух ранних фортепианных концертов Шопена еще не обещает нам будущего трагического полотна си бемоль-минорной сонаты. С годами ширятся масштаб и значительность образов, которые составляют содержание его творчества. Из юноши-поэта он вырастает в художника огромного драматического размаха. Зрелый Шопен поражает смелостью своей музыкальной драматургии, насыщенностью формы. Фантазия фа-минор продолжается всего 13 минут. А между тем по глубине и широте дыхания — это одно из самых значительных произведений во всей мировой музыкальной литературе.

Об удивительном шопеновском даре н е м н о г о с л о в и я в сочетании с выразительностью, даре, благодаря которому Шопен заставляет нас на коротком отрезке времени пережить важнейшие события в музыке,— об этом редкостном даре шопеновского гения нельзя не сказать специально. И он тоже, разумеется, тесно связан со складом характера: концентрированностью внутренней жизни при скупости ее внешнего выражения.

Своеобразным дневником Шопена, отразившим и картины его родины, и его собственные настроения и впечатления, стали мазурки. Он писал их всю жизнь. Первую мазурку написал, когда ему было четырнадцать лет, последнюю—за две недели до смерти. Бесконечно разнообразие шопеновских мазурок. Они занимают особое место в творчестве Шопена, выражая собой какую-то очень важную грань шопеновской натуры. В них есть и та элегантность, которую отмечали современники, и отпечаток душевного аристократизма, и чувство юмора. В них есть, наконец, вечно живая для Шопена тема Польши.

* * *

Несмотря на свою физическую хрупкость и утонченную артистичность, Шопен был человеком гордого достоинства и большого самообладания. Он никогда не впадал в экзальтацию, не жаловался, сохранял волю и выдержанность характера. Было бы огромной ошибкой считать его мягким, легко поддающимся влияниям. Его внутренняя независимость очень ясно чувствуется, когда углубляешься в переписку, охватывающую отношения Шопена с совершенно различными людьми.

В жизни, так же как и в искусстве, Шопен — человек высоких эстетических требований. Это проявляется и в одежде, и в обстановке его парижских квартир. Он был небогат и зарабатывал деньги нелегко. Тем не менее ко всему, что его окружало в быту, относился с тщательным вниманием. Сдержанный, светский, ироничный, безупречно воспитанный, он вызывал у современников восхищение своей аристократической простотой и благородством.

«Внешнее изящество было так же присуще Шопену, как и душевное,— писал Лист.— Обычно он бывал весел; его сатирический ум мгновенно открывал смешное, и не только на поверхности, где оно бросается в глаза всем, а гораздо глубже. Он был неистощимо изобретателен в потешной пантомиме. Он забавлялся часто воспроизведением в своих комических импровизациях музыкальных оборотов и приемов некоторых виртуозов, имитировал их жесты и движения, выражение лица — с талантом, вскрывавшим в одно мгновение всю их личность. Его черты становились неузнаваемыми, он подвергал их самым неожиданным метаморфозам. Однако, даже имитируя безобразие и гротеск, он никогда не терял врожденной грации; даже гримаса не могла его обезобразить. Его веселость была тем привлекательнее, что он всегда держался в границах хорошего вкуса, всегда был далек от всего, что могло выйти за его пределы».

Эта характеристика открывает очень характерную черту шопеновской натуры — глубокую антипатию ко всякого рода преувеличениям. Отвращение к крайностям очень сильно в Шопене, оно определяет, объясняет многое не только в его поведении и характере, но и в его художественно-эстетических взглядах и идеалах.

Ученик Шопена Вильгельм фон Ленц так описывает свое первое впечатление от знакомства с ним: «...Передо мной стоял молодой человек среднего роста, стройный, худощавый, с истомленным выразительным лицом... Вряд ли я встречал когда-либо столь натурально элегантный и привлекательный образ».

Шопен имел большое признание как артист, хотя по сравнению с Листом или Паганини масштаб его концертной деятельности был невелик. По воспоминаниям, это был камерный пианист, не призванный выходить на сцены больших залов. Однако шопеновские выступления снискали ему славу музыкального гения. В этом мнении все очевидцы единодушны.

Шопен прожил всего тридцать девять лет. К моменту, когда оставалось жить два года, у него не оказалось достаточных сбережений, а зарабатывать деньги частными уроками, как прежде, он уже был физически не в состоянии. Не случись спасшей Шопена тайной благотворительности, его положение грозило стать крайне тяжелым. Как потом выяснилось, это анонимное материальное пожертвование сделали его ученицы из богатой шотландской фамилии — сестры Стирлинг.

Последней волей умирающего была просьба отвезти его сердце и похоронить в Польше. Она выполнена после смерти близкими и друзьями.

Посмертное желание Шопена — романтический символ его раздвоенной жизни, в которой прошлое постоянно окрашивало собою настоящее.

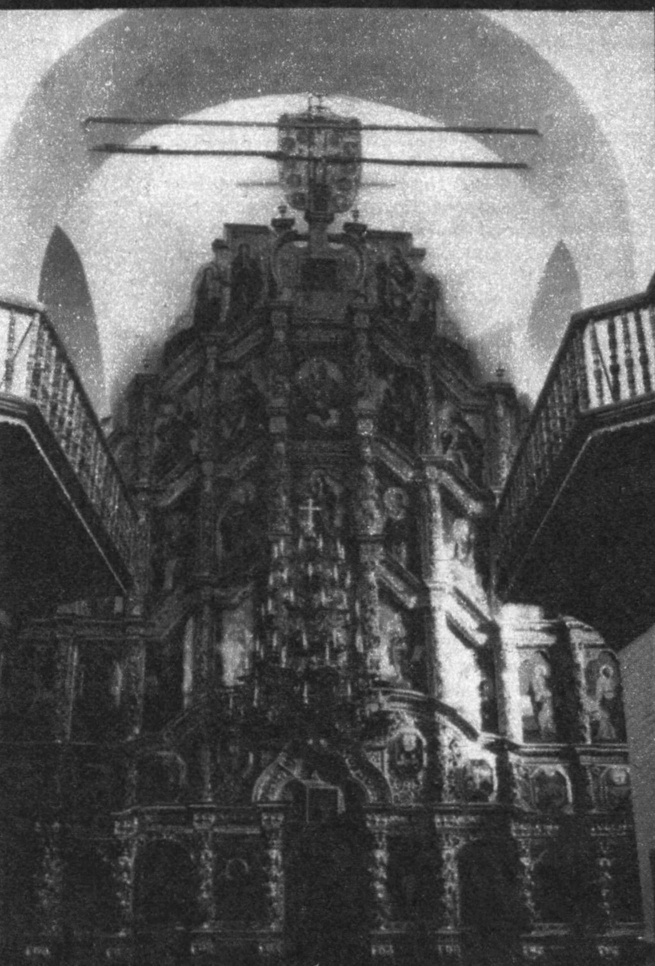
Черкасск. Акварель XIX века.

ХРА

Михаил АСТАПЕНКО
Фото Д. ДЕБАБОВА

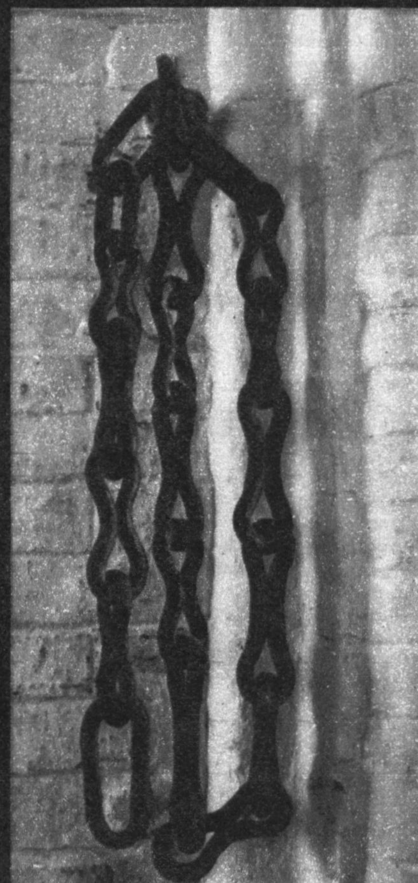
Уникальный иконостас собора.

Атаман Войска Донского, герой Отечественной войны 1812 года М. И. Платов.

Этой цепью был прикован Степан Разин.

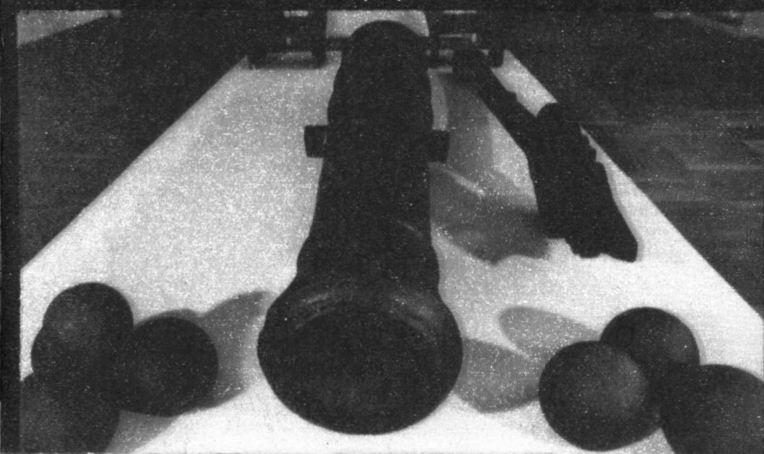
На берегу Тихого Дона.

НИТЬ ВЕЧНО

В музее.

Трофеи Азовского «осадного сидения».

«Дон дал России Ермака, Пугачева, Разина, Булавина и многих других славных сынов. Надо скромно, но с достоинством отметить этот юбилей и не дать возможности отщепенцам Родины представлять эту часть России в дни ее 400-летия. Необходимо решить, какие объекты и ценности станицы Старочеркасской нуждаются в реставрации и вечном хранении для народа».

М. А. ШОЛОХОВ

24 мая исполняется 80 лет со дня рождения Михаила Александровича Шолохова. «Огонек» начинает публикацию материалов, посвященных великому русскому советскому писателю.

Михаил Александрович Шолохов самозабвенно любил историю вольнолюбивого донского казачества, гордился ее богатством. Эта гордость пронизывает все творчество и общественную деятельность великого писателя.

В одной из своих бесед Михаил Александрович сказал: «Путь моих земляков к сегодняшней жизни сложный, мучительный. ...Казачество родило таких великих бунтарей против царского самодержавия, как Степан Разин и Емельян Пугачев».

В 1970 году, когда приближалось 400-летие донского казачества, М. А. Шолохов обратился с письмом в Совет Министров РСФСР с предложением создать в станице Старочеркасской Донской историко-архитектурный музей-заповедник, прославляющий своей историей и памятниками революционные и боевые деяния вольнолюбивого донского казачества.

Идя навстречу пожеланиям великого писателя, правительство Российской Федерации своим постановлением от 30 декабря 1970 года образовало в станице Старочеркасской историко-архитектурный музей-заповедник.

И действительно, Старочеркасск — это славнейшее место на Дону. Смелые и свободолюбивые предки Григория и Аксиньи, Подтелкова и Кривошлыкова основали Черкасск, защищали его в многочисленных схватках с турками, татарами, а затем в 1644 году перенесли сюда казачью столицу. Памятники Старочеркасска — это великие мгновения истории Дона, донесшие до нас драгоценные сведения о героизме и мужестве Разина, Булавина, Пугачева, боевых подвигах Платова и его сподвижников.

Среди более ста памятников истории и архитектуры восемнадцатого — девятнадцатого веков, сохранившихся в Старочеркасске, самым ярким и уникальным является войсковой Воскресенский собор, построенный в 1706—1719 годах на болотистом черкасском майдане. Сооружали это мощное здание по инициативе и при личном участии Петра I. Безвестные творцы этого великолепного архитектурного сооружения сумели отразить гордость народа за свою историю, передать жизнелюбивые устремления своей эпохи, показать силу и мощь человеческого гения, способного на равных с природой созидать и возвеличивать красоту.

Собор представляет собой девятилепестковое в плане здание на мощном подклете—подвале. Его опоясывает двухъярусное гульбище-галерея. Простое оформление в виде полуколонок украшает и архитектурно «облегчает» суровую мощь стен собора. Более прекрасного по своим архитектурным данным сооружения нет на всем юге России!

Новые чувства охватывают человека, когда он попадает внутрь собора. Первое, что бросается в глаза в галерее собора, это могильная плита Корнилы Яковлева, войскового атамана и крестного отца Степана Разина. Но суровы законы классовой борьбы: Корнила и Степан стали ярыми врагами. Именно Яковлев, названный Марксом «волчьим зубом и лисьим хвостом», пленил Разина и отправил его в Москву на казнь. «С тебя надо было начинать, крестный ты мой батя!» — с горечью и злостью скажет Степан Яковлеву перед отправкой в Москву.

В этом году исполнится 355 лет со дня рождения Степана Разина. Шолохов посвятил Разину многие страницы в своем творчестве, упоминая о славном казацком сыне в публичных выступлениях.

Так, рассказывая о жестоких сражениях гражданской войны, в которой казачество воевало за разные враждующие стороны, Шолохов вспоминает времена Разина, когда донское казачество и русское крестьянство, руководимые знаменитым атаманом голытьбы, приводили в трепет самодержавие и феодалов. Шолохов пишет: «Только в 1918 году история окончательно разделила верховцев с низовцами. Но начало раздела намечалось еще сотни лет назад, когда менее зажиточные казаки северных округов, не имевшие ни тучных земель Приазовья, ни виноградников, ни богатых охотничьих и рыбных промыслов, временами откалывались от Черкасска, чинили самовольные набеги на великоросские земли и служили надежнейшим оплотом всем бунтарям, начиная с Разина и кончая Секачом».

Михаил Александрович возвращается к образу Разина в сцене раскрытия «легенды» о Ленине, когда казак Чикамасов не верит Бунчуку, что Ленин — уроженец Симбирской губернии.

«— Нет, не поверю,— говорит Чикамасов.—А очень даже просто не поверю! Пугач из казаков? А Степан Разин? А Ермак Тимофеевич? То-то и оно! Все, какие бедненюший народ на царей подымали,—все из казаков. А ты вот говоришь — Сибирской губернии. Даже обидно, Митрич, слухать такое...»

В Воскресенском соборе в Старочеркасске рядом с захоронением Корнилы Яковлева перед входом в храм вмурована в стену мощная цепь, которой был прикован в деревянном Воскресенском соборе Степан Разин. Она напоминает о несгибаемости, силе духа славного Степана Тимофеевича.

В интерьере собора поражает громада иконостаса, созданная объединенными усилиями зодчего, живописца и резчика. Выпуклые вертикальные колонки, покрытые орнаментальной резьбой, созданной причудливыми переплетениями виноградных лоз, уходят ввысь, разграничивая иконы середины восемнадцатого века. Чистые краски живописи, мягкое мерцание позолоты обладают необычайной силой эмоционального воздействия.

Состоит иконостас из пяти ярусов. В нем в строго иерархической последовательности расположено 125 икон, на которых мы видим библейских праотцев и пророков, лики которых обладают индивидуальными чертами. На иконах праздничного и деисусного чинов мастера восемнадцатого века прекрасно передают целые сюжеты, хорошо строят перспективу, рассчитывая пропорции человеческого тела. Природа, ранее известная в условных формах, здесь обретает реальность. Мы видим цветы, облака, скалы, деревья, холмы с развалинами замков.

При последней реставрации, которую вела группа ростовских художников во главе с Михаилом Соколенко, на главной храмовой иконе «Образ Воскресения Христова» была обнаружена авторская запись, гласящая, что «писаны сия святыя иконы в 1749 году в Москве. А писал иконописец Егорий Иванов Грек». До этого были известны лишь две иконы кисти Егора Грека. Обе находятся в Государственном Русском музее в Ленинграде. Здесь же, в Старочеркасском соборе, выявлено около 40 икон, выполненных Егорием Греком, талантливым художником середины восемнадцатого века.

Рядом с собором взметнулась ввысь 47-метровая стрела шатровой колокольни, единственной на юге. Ее после пятилетнего строительства открыли в 1730 году. Некогда в ее подвалах была тюрьма, в «восьмерике» и «четверике» помещался войсковой архив. Как символ казачьей доблести, рядом с колокольней вот уже четвертое столетие покоятся трофеи азовского «осадного сидения»: створка ворот, калитки азовской крепости и коромысло городских торговых весов Азова. Все это было вывезено казаками при добровольном оставлении Азова в 1642 году.

Перед собором и колокольней расположена небольшая площадь—майдан, где некогда бушевали страсти на казачьих кругах, о которых упоминает в «Тихом Доне» Шолохов. Здесь принимали в казаки, избирали атаманов, карали и миловали, женились и разводились. Неоднократно собирал здесь свои круги Степан Разин. Отсюда призвал он идти на Москву «с бояры повидатца», отсюда увезли его на пытки и казнь в первопрестольную.

Со смертью Разина не смирился вольный Дон. Еще были живы соратники Степана Тимофеевича, а уже новый бунт вызрел на Дону. Его возглавил Кондратий Булавин. Вновь зашумел черкасский майдан, слушая своего атамана, принимавшего в свое войско каждого, кто минуту вольности ценил дороже года неволи. Черкасский майдан благословил Булавина на новые битвы с угнетателями. Но обреченной была попытка сбросить ярмо неволи: через несколько месяцев окровавленная голова Булавина всенародно была вздыблена на кол у собора. Но снова и снова вставали казаки. За волю, за бесценную свободу!

Многое помнят старинные камни черкасского собора. Помнят неторопливую походку донского казака Емельяна Пугачева, о котором часто упоминает Михаил Шолохов в своих произведениях. Помнят соборные камни молодого поэта России Александра Пушкина, вместе с генералом Николаем Раевским любовавшегося мощной красотой уникального памятника старины и трогавшего цепи Разина, которого позже поэт назовет единственным поэтическим лицом русской истории.

Измерены улицы Старого Черкасска энергичными шагами Петра Великого, много раз посещавшего донскую столицу. 18 августа 1696 года, после взятия Азова, в Черкасске по приказу Петра Алексеевича был дан первый в истории России салют в честь победы русского оружия. Потом были салюты в честь многочисленных побед русского оружия, был победный салют 1945 года, но тот черкасский салют так и остался навсегда первым в истории нашей Родины.

Погружаясь в очарование старинных казачьих улиц, бродили каждый в свое время художники Василий Суриков и Иван Крылов, писатели Николай Погодин, Вера Панова и Василий Шукшин. Многое из черкасских впечатлений перенесли они затем в свои произведения...

Василий Иванович Суриков написал в Старочеркасске для «Покорения Сибири Ермаком» этюд «Донской казак Кузьма Запорожцев». Отдаленные потомки Кузьмы Запорожцева и поныне живут здесь, в Старочеркасске.

Достопримечательностью Старочеркасска является архитектурный комплекс XVIII—XIX веков — атаманское подворье. Основатель подворья Данила Ефремов был первым на Дону генерал-майором. Он участвовал в 1707 году в нападении на квартиру шведского короля Карла XII, едва не кончившемся пленением короля. При Даниле на подворье были построены атаманский дворец и Донская церковь. Его сын и преемник атаман Степан Ефремов, железной рукой управляя Доном, грабежами и поборами приумножил несметные богатства, оставшиеся после смерти отца. На подворье возникли роскошная кухня, сокровищница, появились первые на Дону кареты. На них разъезжала атаманша Меланья Карповна. Эхо Меланьиной свадьбы, некогда буйным весельем полыхавшей на улицах казачьей столицы, докатилось до наших дней. Ведь кто не знает поговорку: «Наготовлено, как на Меланьину свадьбу!» Теперь в бывших апартаментах Ефремовых расположились выставки музея.

Недалеко от дома Булавина легко и по-весеннему светло возносится ввысь зеленокупольная Петропавловская церковь, построенная неизвестными зодчими в 1749 году на незатопляемом месте. Два года спустя здесь был крещен будущий герой Отечественной войны 1812 года Матвей Иванович Платов. Это о нем немногословный и скупой на похвалы фельдмаршал Кутузов сказал в 1813 году: «Услуги, оказанные вами Отечеству, не имеют примеров. Вы доказали целой Европе могущество и силу обитателей благословенного Дона». Это Платова и его казаков имел в виду М. А. Шолохов, когда, выступая перед одностаничниками, отправлявшимися на фронт 26 июня 1941 года, говорил: «Мы ждем от вас сообщений только о победе. Донское казачество всегда было в передовых рядах защитников священных рубежей родной страны. Мы уверены, что вы продолжите славные боевые традиции предков и будете бить врага так, как ваши прадеды бивали Наполеона...»

Недалеко от Петропавловской церкви расположено место казней. Здесь ранней осенью 1800 года по приказу императора Павла I были засечены братья Грузиновы, Петр и Евграф. Они родились в Черкасске, служили в Петербурге при особе Павла I. В своих программных документах Грузиновы хотели установить в императорской России республиканский строй, объявить свободу слова, печати, совести. За четверть века до декабризма они предвосхитили идеи революционеров-декабристов, за что и поплатились жизнью.

Чуть в стороне от центральной части Старочеркасска расположено Ратное урочище с Преображенской церковью. Отсюда в далекие времена уходили донские казаки в походы против недругов земли русской и, как пишет Шолохов, «трясли царевы устои, бились с коронными войсками, грабили на Дону караваны, переметывались на Волгу и подбивали на бунт сломленное Запорожье».

На Преображенском кладбище Черкасска похоронены многие выдающиеся донские атаманы: герои азовского «осадного сидения» 1637—1641 годов Иосиф Петров и Наум Васильев, знаменитый походный атаман первой половины восемнадцатого века Иван Матвеевич Краснощеков, герои 1812 года.

На правом берегу Дона, в семи километрах от Старочеркасска, расположен мемориальный комплекс воинской славы — Монастырское урочище. Под шелестящими кронами деревьев покоится в земле Монастырского урочища несколько сот русских воинов, погибших в 1637 году, во время штурма Азова. Рядом могилы бойцов Первой Конной армии, павших в 1919 году. Здесь же похоронено одиннадцать членов экипажа канонерской лодки «Ростов-Дон», погибших осенью 1941 года.

Краткий обзор памятников и истории Старочеркасска говорит, что выбор Шолохова был не случаен: именно здесь должен был быть основан Донской историко-архитектурный музей-заповедник. Сегодня музей в Старочеркасске живет свою пятнадцатую весну, и у него большое будущее.

Старочеркасск.

Майя Табака. ЖЕНЩИНА С ЧАШКОЙ. 1984.

Майя Табака. ЗЕЛЕНАЯ ЗЕМЛЯ. 1983.

Уроки Зефельда

Юрий ХРОМОВ

Слово «почему», звучавшее на всех европейских языках, нам, советским журналистам, специальным корреспондентам на чемпионате мира по лыжному спорту в Зефельде (Австрия), изрядно надоело. С него начиналось большинство разговоров с коллегами, которые старались понять причины неожиданного провала советских лыжников. Оно звучало и на пресс-конференциях, и в кулуарных, как говорится, разговорах.

Что греха таить, мы сами часто задавали этот вопрос: почему? Наши спортсмены, в том числе и самые титулованные, выступавшие в гонке на 30 километров, вдруг оказались на зефельдской лыжне в роли неопытных учеников. Старший тренер мужской команды Борис Быстров, неразговорчивый и грустный, все сильнее прижимал к уху портативную рацию, словно пытаясь расслышать хотя бы одну обнадеживающую весть с трассы. Но они были малоутешительны. В итоге лучший из сборной СССР, Александр Батюк, занял только четырнадцатое место. И это на дистанции, с которой связаны победы на мировых первенствах и Олимпийских играх наших прославленных чемпионов: Владимира Кузина, Вячеслава Веденина, Сергея Савельева и Николая Зимятова.

Вот когда прозвучало наше первое «почему». Мы в домике советской сборной в стартовом городке сразу же взяли в осаду Б. Быстрова — самого, как нам казалось, компетентного человека.

Тренер немного подумал и начал: «Коньковый ход...»

Стоп! Это словосочетание, ставшее таким модным в дни зефельдского чемпионата, требует особого отступления. Сам эпитет подразумевает, что лыжники, пользующиеся им, в какой-то мере повторяют движения конькобежцев. Но к новым изобретениям его не отнесешь. Коньковый ход известен с незапамятных времен. К истории мы еще вернемся, но достаточно широко за последнее время он был применен на Олимпийских играх в Сараево. Новая техника привела к повышению скоростей на лыжне (по разным сведениям, от 10 до 20 процентов). Кстати, достаточно уверенно коньковым ходом пользовался в Сараево и новая «звезда» лыжного спорта швед Гунде Сван. Правда, он применялся в основном только на ровных участках дистанции, а в Зефельде лидеры бежали так всю дистанцию, в том числе 20 километров у женщин и 50 километров у мужчин, включая самые затяжные подъемы.

В Западной Европе коньковый ход связывается с именем финского лыжника П. Ситонена. Рассказывают, что спортсмен впервые применил его в 1974 году на марафонской 50-километровой дистанции в Доломитовых Альпах. Причем это произошло отнюдь не случайно. До этого финский лыжник не раз выступал в соревнованиях по зимнему ориентированию, в том числе и на чемпионатах мира по этому виду спорта, и успешно пользовался коньковым ходом. Но дотошные журналисты, подняв запыленные подшивки спортивных газет за 30-е годы, установили, что коньковый ход применяли норвежцы во время зимних Олимпийских игр 1936 года в Гармиш-Партенкирхене. Благодаря ему Оддбьерн Хаген завоевал серебряную медаль в гонке на 15 километров. Лыжники Норвегии не без основания рассчитывали на победу в эстафете 4×10 километров, но коньковый ход сыграл с ними злую шутку. При передаче эстафеты один из норвежцев наступил на лыжу товарища по команде, который упал, потерял много времени, а с этим и надежды на командную победу, которая досталась шведам. После этого казуса коньковый ход был подвергнут сомнению, а затем основательно забыт.

Как тут не вспомнить старую истину: новое — хорошо забытое старое.

Возрождение конькового хода неотделимо от последних достижений технической мысли. Сначала появились пластиковые лыжи, затем специальные машины, которые могут готовить твердый снежный наст для лыжной трассы шириной в четыре метра. Но при сильном морозе — около 20 градусов — коньковый ход малоэффективен. Оптимальные условия для его применения — температура, близкая к нулю, оттепель. То есть то, с чем чаще всего сталкиваются лыжники, когда выступают на соревнованиях в Западной Европе. И все эти условия были в Зефельде.

И еще одно: коньковый ход освободил спортсменов и тренеров от тяжкого бремени — подбора мазей. Традиционного «не попал в мазь» уже практически нельзя было услышать в Зефельде. Гонщики покрывали скользящую поверхность лыж только парафином, поскольку при новой технике этого было достаточно. Кстати сказать, лыжные фабриканты уже подумали и о лыжах для конькового хода, укрепив края лыж металлической каемкой. Такие лыжи мы видели в демонстрационном павильоне известной австрийской фирмы «Атомик», которая до сих пор была известна своим горнолыжным инвентарем.

...Теперь вернемся к разговору с Борисом Быстровым. Смысл его сводился к следующему: наши лыжники хотя и тренировали коньковый ход, но не имели достаточно времени для его освоения. Их подготовка в Красноярском крае и в Сыктывкаре проходила при сильном морозе, да и трасс необходимых не было. Полноценные тренировки были только во время кратковременного пребывания за рубежом — в Швейцарии.

Кстати, автор этих строк беседовал накануне отъезда команды лыжников в Зефельд с первым нашим чемпионом мира Владимиром Кузиным. Мы оба были в Красногорске, где 7 января прошли последние отборочные соревнования. Зашел разговор о коньковом ходе.

— По-моему, наши ребята пользуются им пока не очень уверенно,—сказал тогда Владимир Кузин.

И вот главный тренер сборной СССР Венедикт Каменский признал, что применение в Зефельде конькового хода в полном объеме, прежде всего на подъемах, оказалось неожиданным для наших ведущих гонщиков и их наставников.

Конечно, тренеры сборной СССР должны были предвидеть, что новый технический прием, сулящий значительный прирост скорости, получит дальнейшее развитие. Но этого не произошло. (Возвращаясь к прошлому, могу сказать, что появление пластиковых лыж на чемпионате мира-74 в Фалуне также оказалось неожиданным для тренеров советской команды.)

Высказались в отношении конькового хода и медики. Так, один из виднейших представителей спортивной медицины, профессор Людвиг Прокоп (Австрия), в беседе с журналистами высказал опасение, что новая техника бега может сказаться на здоровье в первую очередь спортсменок. Он считает, что тазобедренные суставы у женщин более чувствительны, чем у мужчин. Поэтому новый ход грозит при больших нагрузках, которые возникают во время тренировок и соревнований, вызвать травмы, разрывы связок и т. д.

Спортсмены, в общем, не в восторге от нововведения. Медики встревожены, этот ход уже называют «инвалидным шагом», а он торжествует на лыжне. Парадокса в этом никакого нет. Сейчас в любом виде спорта тренеры, специалисты разных профилей, сами спортсмены заняты поиском новых ресурсов для повышения результатов. Использование конькового хода, безусловно, повысило скорости на лыжне (можно вспомнить, что Гунде Сван победил в Зефельде с немыслимым по прежним временам результатом: 50 километров он пробежал за 2 часа 10 минут 49,9 секунды), и поэтому вряд ли лыжники откажутся от него.

Правда, еще не заняла определенную позицию в этом вопросе ФИС, и, безусловно, коньковый ход станет одним из наиболее дискуссионных вопросов на предстоящем конгрессе федерации. Уже в Зефельде представители прессы прозондировали позицию президента ФИС Марка Холдера. Он сказал, что введение новой техники ставит перед ФИС серьезные проблемы. Коньковый ход лишил «чисто эстетических ценностей» лыжные гонки, а также обозначил растущий разрыв между ведущими спортсменами и основной массой лыжников. Притом новая техника бега, как это показали соревнования в Зефельде, приводит к тому, что гонщики мешают друг другу на дистанции.

Марк Холдер считает, что для решения этого вопроса есть несколько возможностей. Одна из них — создание «зон запрета» на дистанции (сейчас запрещено применение конькового хода за 200 м до финиша, в «коридоре» для передачи эстафеты и на 100 первых метрах после старта). Но это потребует значительно увеличить число судей на дистанции, что не всегда возможно. Президент ФИС отметил, что сейчас создана рабочая группа, в состав которой будут привлечены и врачи. Она и подготовит свои рекомендации к предстоящему конгрессу федерации.

Вот так пока обстоят дела с коньковым ходом. Но если бы все зефельдские неудачи советской сборной можно было бы объяснить только техническими новшествами, то это было бы полбеды. Все дело в том, что успехи наших лыжников в последние годы вообще шли по нисходящей. На чемпионате мира-82 в Холменколлене на их долю пришлось две золотые и три серебряные награды, на зимних Олимпийских играх — одна золотая и четыре серебряные и, наконец, в Зефельде — всего одна золотая медаль за победу в женской эстафете 4×5 километров. А гонщиков-мужчин даже близко не было около пьедестала почета. Именно в Холменколлене ясно стало выявляться отставание советских гонщиков в скоростной выносливости, а значит, и в скоростной подготовке.

Кое-кто хотел бы свалить наши неудачи в Зефельде на коньковый ход, мол, не учли, не освоили и поплатились. Но вот вскоре после чемпионата мира сильнейшие гонщики приехали к нам и выступили на Кубке мира в Сыктывкаре. На этих соревнованиях коньковый ход применялся не столь широко, и что же, победил все тот же Гунде Сван, а лучшее место советских гонщиков оказалось девятым.

Думаю, что наши лыжники тренируются не меньше своих соперников, но мне кажется, что все дело в качестве этой работы. Известно, что большая часть снежной подготовки сборной падает на Красноярский край, где уже осенью стоят сильные морозы и бывают обильные снегопады. А в этих условиях скоростную лыжню не подготовишь, а значит, нельзя наладить и скоростные тренировки, работу на интенсивность. И большие тренировочные объемы не могут компенсировать этого недостатка.

Следует помнить, что большинство крупнейших соревнований проходят в Европе, а это предполагает неустойчивые погодные условия, небольшие морозы, даже оттепели и... скоростные трассы. Почему же тогда из поля зрения наставников нашей сборной выпали районы со схожими климатическими условиями, прежде всего Карпаты?

В том же разговоре с нами Борис Быстров сделал еще одно горькое признание: если раньше испытывала трудности с резервами наша женская команда, то в последние годы та же проблема встала со всей остротой перед мужской сборной. А это — свидетельство того, что интерес к лыжам падает.

Мне рассказали, что на соревновании в Вологде на старт вышло чуть более десятка лыжниц, а в Ленинграде — около двадцати. Что и говорить, тревожные факты. Ведь Вологда и Ленинград — наши исконно лыжные места, где выросло немало известных мастеров. А недостаток сильных гонщиков приводит к тому, что юные лыжники, еще осваивающие азы лыжного спорта, становятся участниками многочисленных соревнований, причем не только юношеских, но и юниорских и взрослых.

Конечно, переход из количества в качество в спорте — дело тонкое

и даже деликатное. Здесь велика роль тренеров-воспитателей. Это должны быть влюбленные в свое дело люди, как, например, первый наставник Николая Зимятова — четырехкратного олимпийского чемпиона — Алексей Холостов. В деревенском пареньке он не просто угадал спортивный талант, а умело раскрыл его. И в том, что Николай Зимятов выиграл через четыре года после Олимпиады в Лейк-Плэсиде золотую медаль в Сараево, тоже немалая заслуга его первого тренера, подсказавшего Зимятову «линию поведения» в период между играми. Холостов и сейчас успешно работает в детской спортивной школе в подмосковном селе Головино.

Конечно, опытные тренеры есть и в других местах. Не на всех картах можно найти городок Щучинск, который находится недалеко от Кокчетава (Казахстан). Именно там, вдали от известных спортивных центров, молодой выпускник казахстанского института физкультуры Александр Унгефук плодотворно работал в школе олимпийского резерва, и в нынешней сборной СССР выступают два его воспитанника—Владимир Сахнов и Владимир Смирнов. А вот многие некогда известные лыжные центры ослабили работу по подготовке мастеров высокого класса, а то и вообще их не готовят. Это относится к Горькому, Свердловску, Кирову, Архангельску, Омску, Кемерову. Совсем недавно гремела слава лыжников из Коми АССР. А вот преемников олимпийских чемпионов Раисы Сметаниной, Василия Рочева и Николая Бажукова там сейчас не видно.

После долгого перерыва в советской команде появился прекрасный гонщик Александр Батюк. Он вырос в Черниговской области. Казалось бы, места совсем не лыжные, но на Украине немало современных спортивных сооружений именно по зимним видам спорта, прекрасных лыжных мест, и прежде всего в Закарпатье. А вот красноярцы, которые принимали Спартакиаду народов СССР, плохо используют первоклассные спортивные базы олимпийского уровня, построенные к Спартакиаде. Кого вырастили за это время красноярские тренеры? Ответить на этот вопрос весьма затруднительно.

И если говорить о тренерах, то нужно привести очень красноречивую цифру: в лыжных отделениях ДЮСШ Российской Федерации работают около семи тысяч квалифицированных тренеров, а дефицит резервов лыжной сборной страны все возрастает.

Когда эта статья была написана, пришло сообщение о победах наших лыжников на юниорском чемпионате мира в швейцарском городе Теше. Представители сборной СССР завоевали пять золотых и одну бронзовую медаль. Но столь высокие результаты лишь свидетельствуют о том, что способные лыжники у нас есть, однако мы их теряем на ходу, плохо используем их возможности. Вот характерный пример: на мировом чемпионате юниоров 1982 года гонку выиграл Андрей Асташкин, а Гунде Сван был шестым. И вот в Зефельде, уже в составе взрослой сборной, Асташкин просидел в «глубоком резерве», а недавний юноша Сван, до этого завоевавший две золотые олимпийские медали, выиграл гонки и на 30, и на 50 километров.

Да, есть о чем подумать и организаторам, и тренерам лыжного спорта. Уроки Зефельда суровы.

Зефельд—Москва.

Ия МЕСХИ

ДАР

...Мы смотрим вместе старый «Огонек», и на фотографии детского эстрадного ансамбля из Грузии «Мзиури» Тамрико видит у микрофона себя: ноги тоненькие, как спички, волосы мама сильно обкорнала, поза выражает предельное старание. Неужели это было одиннадцать лет тому назад, в Москве, на концерте в Колонном зале Дома союзов?..

Продолжаем разглядывать давнишние фото, и почти у кулис Тамрико находит за ксилофоном свою лучшую подружку тех лет Манану Симонову. Теперь Манана — физик, учится в аспирантуре в Москве. Зато «Булочка», Ия Ахобадзе, маленькая пухлая девочка, усердно дующая в трубу, стала пианисткой. А заводила ансамбля Нуцка, Нино Кобиашвили, окончила Тбилисский университет, филолог, у нее уже дочь родилась.

Сказочная для девочек пора! «Мзиури» в то время был коллективом уникальным, объездил много городов и разных стран. Детские глаза увидели много такого, чего и взрослым не придется.

— Конечно, это была школа жизни,— говорит Тамара Гвердцители,— но не только потому, что мы объехали много городов и стран, а потому, что это была работа и дисциплина, да и взаимоотношения в коллективе были не простыми. Ох, какие, помню, страсти бушевали!

Тамрико вспоминает 1974 год, гастроли в Голландии. В этой красивой, аккуратной, словно игрушка, стране советские пионерки вызывали большое любопытство: как юные представительницы Кавказа воспринимают древнюю Европу? Или они способны только петь свои задорные песенки?

В городке Эппен концерт должен был состояться в помещении собора. Днем репетиция. Незаметно для всех Тамрико юркнула на лестницу, ведущую вверх, к старинному органу. И вдруг по собору поплыли звуки Первой прелюдии до мажор Баха. Тамрико ведь училась тогда в специальной музыкальной школе! На концерте Тамрико играла на органе «Аве Мария», аккомпанируя своей подруге... Был большой успех.

Прошло семь лет. На VII Международном фестивале молодежной песни «Красная гвоздика» в Сочи, фестивале, где оркестром дирижировал Юрий Васильевич Силантьев, а председателем жюри была Александра Пахмутова, Тамрико, девятнадцатилетняя студентка Тбилисской консерватории, стала победительницей соревнования и была названа лучшей из певцов, которых прислали 27 стран мира.

Время у артиста всегда бежит, полное интереснейших поездок, конкурсов, встреч. Жизнь Тамрико теперь полна этих встреч. Солистка эстрадно-симфонического оркестра Грузтелерадио, она стала ныне лауреатом премии Ленинского комсомола...

Еще во времена студенчества она написала на стихи Галактиона Табидзе величавую песню «Мравалжамиер» («Многие лета»), не помышляя, конечно, о том, что вскоре этой песней будут открываться большие профессиональные концерты грузинской эстрады. Написала немало других песен и романсов, которые сама же с успехом исполняет. И поэтому, наверно, окончив консерваторию с отличием, хочет снова учиться — композиции. А может быть, заняться вокалом? Друзья просят: «Оставь эстраду, у тебя драматическое сопрано...»

И все же нужно сказать: на фоне множества звучащих ныне с эстрады голосов голос Тамрико Гвердцители очень узнаваем. Есть в нем свежесть, чистота, непосредственность.

Это дар. А что от взглядов, убеждений, внутренних установок?

Когда маленькую Тамрико спрашивали, кто ее любимая певица, она, не задумываясь, отвечала: «Нани Брегвадзе. Я хочу петь, как она, хочу, чтоб люди радовались, когда я пою».

И сейчас Тамара верна этой привязанности. Только понимает, что петь, «как она», нельзя — всегда нужно искать свое. И все-таки, когда случается ездить вместе, влюбленно посматривает на Нани из-за кулис...

Встречи, гастроли... Немало их было, но недавняя поездка запомнится навсегда — Афганистан.

...В Кабуле приземлились через 48 часов после взрыва аэропорта, о чем узнали еще в Москве. Душманы мстили афганским студентам, которые отправлялись на учебу в советские вузы. Агитбригада газеты «Комсомольская правда» застала разрушения, свои первые шаги на этой земле сделала по битому, грозно хрустящему стеклу.

Работа началась сразу. Все 14 дней стояла сорокаградусная, сентябрьская афганская жара. В день доводилось давать по два и три концерта. Переезды на автобусах в сопровождении бронетранспортеров. Рейсы на вертолетах вблизи гор, откуда то и дело раздавались выстрелы. Ездили в дальние гарнизоны. Поездка в один такой гарнизон была вознаграждена вымпелом, на котором написано: «За мужество и героизм». Этим можно гордиться!

Тамрико пела свою любимую «Музыку» Азаршвили, «Цвети, земля моя» Ермишева, «Гранаду» Лара, «Цветет сирень» Экимяна и много-много других песен — все, что знала, что могла. Главная тревога была — не потерять голос, ведь работали, не жалея себя. Такой был необыкновенный подъем, когда увидела, как она, вся их бригада здесь нужна и желанна, когда смотрела на цветы, неизвестно откуда добытые на этой выжженной солнцем земле, смотрела в глаза людям.

Последний концерт был 17 сентября, вечером. Тамрико пела русские романсы, и вдруг неподалеку прозвучали взрывы один за другим — душманы взорвали опоры линий электропередач. Свет погас, перестал работать микрофон.

Но вот в руках зрителей зажглись фонарики, а у кого замерцало светлячковое пламя зажигалок. Тамрико встала со стула у пианино, на котором аккомпанировала себе («Понимаете, так легче диафрагме и громче будет голос!»), и, играя стоя, пела еще и еще...

Выступая в октябре 1984 года на Пленуме ЦК Компартии Грузии, Тамара Гвердцители говорила: «Я вернулась из Афганистана счастливая тем, что своими песнями доставила радость людям, которые выполняют свой интернациональный долг, борются за высшие идеалы человечества... Передо мной до сих пор стоят озаренные необыкновенным светом лица моих сверстников, и я рада, что могла гордиться своей песней так же, как гордилась ею Клавдия Шульженко, выступая на передовой перед воинами в суровые годы Великой Отечественной...»

Курские холмы

Евгений НОСОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

Из дальних далей

Было у моей бабушки Варвары Ионовны одеяло, собранное из разных лоскутов материи.

Бабушка иногда шивала нехитрые крестьянские обновы: штаны и рубахи, кофты и сарафаны да и нам, ребятне, всякую всячину. От этого и оставались обрезки, из которых бабушка кроила одинаковые косяки, сшивала их попарно в квадраты, а уж из квадратов получалось веселое разноцветное полотнище, служившее вéрхом ватному простеганному одеялу.

Я лежу под его уютной толщей и жду к себе бабушку. А она на ногах чуть ли не с первыми петухами, все еще хлопочет по дому: что-то споласкивает, ставит в печь коровье пойло, накрывает рушником хлеб на столе, разбирает на пары и рассовывает по печуркам вязёнки и шубные рукавицы. И уж после всего гасит лампу, запалив наперво каганец, слаженный ею из пузырька, сырой картофельной кружалки и ватного фитиля. Застя ладонью робкий язычок огня, похожий на тыквенное семечко, она ставит каганец на высокий припечек, чтобы сразу освещал и кухню, где под лавкой с ведрами сеймской воды тихо шуршит лукошечным сеном посаженная на яйца гусыня, и соседнюю проходную комнатку с бабушкиной деревянной кроватью, над которой в углу в широкой витейно-золоченой раме висел строгий лицом Никола. Наконец бабушка заходит в нашу комнату и, встав перед Николой, ловким перекрестом рук снимает кофту, затем сбрасывает на пол долгую, до пят, юбку и босоногo вышагивает за ее круг. Вся в белом, с нагими плечами и руками, она принимается быстро и непонятно шептать что-то святому угоднику, мерцавшему от шевелящегося на печи светильного огня, одновременно не забывая расплетать косицу, полуседой остаток некогда спелой пшеничной красы, перебросив ее себе на впалую грудь и сноровко, на ощупь, перебирая пальцами пряди и шелковые тесемки. И, трижды склоненно осенив себя широким крестом, а заодно потыкав издали в мою сторону щепотью, она торопко забирается под одеяло и, нахолодавшая перед иконой, истово льнет ко мне, теплому, обжившемуся под ватным пологом.

Смирив дыхание и обвыкнув, бабушка поднимает коленями одеяло, делает из него покатый погребок, на котором хорошо видны косяки, и тихим и умиротворенным голосом человека, завершившего день и добравшегося до постели, вопрошает:

— Так докудова мы дочитали книгу-то нашу?

— Про синий косячок.

— Уж и до него дошли? А вот про этот сказывала ли? Про голубые колокольца? Про мамкино первое платьице? Девочка-то она уже была большая, а все в не своем, все в перешитом да переиначенном. Тут под самую троицу вот тебе китайцы-коробейники с товарами. А на деревне это вон какая оказия. Бабы все бросают, выбегают на улицу. Ну, а китайцы знают, чего делать. Прямо по траве раскатывают одну штуку ситца — майский луг да и только! Распускают другую — и того краше. Мамка твоя вцепилась в руку, теребит, этак больно дергает: купи да купи... Или про то не сказывала?

— Про колокольцы уже было,—вспоминаю я.

— А-а, ну тогда пойдем дальше. Этот вот косяк-то, который с колокольцами в паре, видишь, по синему белой крупкой посыпано, вроде как звезды по ночному небу, это от дедушкиной рубахи. А привез он ее аж с войны германской. Они тогда под Ригой стояли. Да немец попер их оттуда, из Курляндской земли, голодных да беспатронных. Да так-то и отходили пешки. Дедушка твой ногу в кровь истер, от мокрых да грязных портянок приключилась хвороба, ногу ему раздуло под самый пах. Уложили в двуколку с другими ранеными, довезли до какой-то станции, а оттуда — в самый Питер. А тут вскорости царя спихнули, революция началась. Деда как есть прямо на костылях в какой-то комитет и выбрали. Ну, раз выбрали, он и давай прыгать да скакать. Ну и допрыгался, чуть ногу не отняли. Списали его по чистой да и отпустили, слава богу, с миром.

Мне не нравится, что дедушку выпроводили из Питера и что он, оказывается, не участвовал в штурме Зимнего дворца.

— Кой тебе Зимний!— взмаливается бабушка.— Я и доси с курицей по соседям хожу: мужик дома, а зарубить некому. Нет, не герой он у меня, не герой, врать не стану,— и уже спокойным, добрым голосом продолжает: — А так много повидал разного. Не приведи господь, чего довелось ему, сердешному. Домой пришел — белые чуть шашками не изрубили, в амбаре господский хомут нашли... Ну да ладно на ночь про такое, царица небесная. От тех времен, окромя этого лоскута, костыль остался, где-то на чердаке. А еще солдатский башлык.

— Это штык такой?— ликующе млею я.

— Не-е! Это такой суконный куль с окрылками. Поверх шапки в метель надевают. Вот придет дедушка завтра с ночного, из конюшни-то, ты и попроси хорошенько. Авось покажет тебе башлык. А то и даст поносить.

Я молча мечтательно киваю.

— Ну-те... Так поехали дальше. А вот этот, внучек ты мой, этот лоскутик...— Бабушка вздыхает и, выпростав тонкую, как плеть, голубоватую руку с темной, словно из корья, кистью, долго оглаживает светленький, ничем не примечательный треугольник.

— И что?— тереблю я бабушку, вдруг замолчавшую.— А, бабушк!

Бабушка не отвечает. Я скашиваюсь недоуменно, представив, что ее сморил внезапный сон. Но она не спит, и я вижу, как в темной глазнице тусклым оловом мерцаėт скопившаяся там влага.

Я примолкаю, а она, глубоко вздохнув, опускает колени и разрушает одеяльный погребок.

— Была у меня девочка,— еще раз крестясь, вздыхает она и, повернувшись и потянув на меня лоскутное одеяло, произносит теплым, родным шепотом:— Спи, угомонивайся. Завтра еще чего вспомним...

КУРСКИЕ ХОЛМЫ

Курская земля... В здешних местах великая русская равнина вдруг начинает холмиться, дыбиться косогорами, откуда радостно и далеко видать окрест.

В глубокой древности эту гряду высот так и не смог одолеть ледник, надвигавшийся из Скандинавии.

Непреодолимой она оказалась и для врага, когда летом сорок третьего, грозя нашей Родине новым оледенением, гитлеровские полчища ринулись в решающее наступление.

Путь фашистскому леднику преградили не только курские взгорья, но и непоколебимые высоты духа защитников этих рубежей.

* * *

Не могу читать Толстого в метро, троллейбусе, трамвае... «Золотого теленка» — могу, а, скажем, «Кавказского пленника» не отважусь. Толстой требует для этого особых условий: и даже не из-за сложности текста, образов, а из-за благоговения к его слову, из-за неповторимого веяния со страниц его книг того очарования, что создает в нашей душе праздник.

Предаваться же этому чувству, праздновать душой походя грешно и кощунственно.

ЛЕТНИЙ ПОЛДЕНЬ

В летний полдень, час прогулки, в мою комнату вошла собака. Нездоровилось, я лежал на диване и услышал ее по стуку когтей о паркет.

Собака долго смотрела на меня темными, с терновой просинью глазами, я же прикрыл веки и нарочно задышал глубже, ленясь вставать, чтобы идти с ней на улицу. Она, еще сколько-то понаблюдав за моим лицом, наконец поверила и, сокрушенно вздохнув, ото-

шла прочь. Скучающе обойдя помещение и обнюхав мое пустое кресло у письменного стола, она остановилась посередине комнаты и уставилась в окно. А там беспечно, с ликующим визгом носились стрижи и была такая безмятежная полуденная синь, такая воля! И пес изваянно стоял и стоял, глядел и глядел в безоблачный полдень, охваченный какой-то своей горестной думой, вроде: «А жизнь проходит...»

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ

Слышу майский ветер. Он совсем не такой, как в недавнем апреле, марте, феврале... Тогда при усилении ветра появлялся посвист голых ветвей. Теперь же слышится добродушный лепет молодой листвы. Ветер как бы вязнет в кронах майских деревьев, и получается «зеленый шум».

ПРАЗДНИЧНЫЙ ДУШ

Светило солнце, и одновременно лил крупный, отвесно-прямой дождь, и струи его сверкали в лучах, как тугие струны гигантской арфы.

У этого праздничного дождя была резкая граница, за которой он сразу же обрывался. Раздевшись до трусов и держа одежду на руках, мы медленно шли за дождем и, когда хотели, вбегали в его шумную сверкающую стихию, будто за тюлевую занавеску. А если было невтерпеж под тяжелыми струями, снова выбегали за их черту и с наслаждением грелись на солнышке.

НЕ СОТВОРИ КУМИРА

Была просто глина — по ней ходили, ездили. В ненастье ругали, когда она цеплялась за сапоги и колеса. Но чаще не замечали вовсе. Глина существовала так, как если бы не занимала никакого пространства, поскольку она была самой природой.

Но вот из нее вылепили бюст, и бывшая глина потребовала не только места, но и почтительного расстояния около себя. Теперь все ходят вокруг в мягких тапочках и говорят шепотом.

ДУМАЯ О ПОТОМКАХ

БЕРЕЧЬ НАШУ СЛАВУ

Написать это письмо меня заставили особые обстоятельства. Я вырос и начал свою сознательную трудовую жизнь на далеком Амуре, в ту пору, когда нынешняя Амурская область, что у границы с Китаем, еще называлась губернией. Там же в трудные 20-е годы, когда шла борьба за Советскую власть, вступил в комсомол, а потом и в Коммунистическую партию. Работал на руководящей комсомольской работе в пограничном Благовещенском уездном комитете комсомола. Тогда я впервые и побывал в селе Поярково.

Воображение мое поразило само название села, данное ему в честь отважного русского первопроходца и мореплавателя XVII века Василия Даниловича Пояркова.

С тех пор, конечно, много воды утекло из Амура в Охотское море и Тихий океан. Произошли изменения и в моей жизни. Окончил институт в Ленинграде, стал географом. Защитил кандидатскую диссертацию. Нахожусь, как теперь принято говорить, «на заслуженном отдыхе», хотя и занимаюсь общественной работой. Не могу пожаловаться на отсутствие внимания к себе со стороны и своих товарищей, и новых поколений амурских комсомольцев.

И вот недавно получил я письмо из Пояркова, взволновавшее меня до глубины души. В пакете оказался фотоснимок памятника Василию Пояркову, который раньше я в селе не видел.

Как выяснилось, памятник воздвигнут стараниями поселкового Совета и местных жителей по случаю 125-летнего юбилея основания Пояркова.

Скромный, строгий монумент удивительно вписывается в естественный амурский ландшафт. Отлично выполнен на каменной плите барельеф Василия Пояркова, а вместо пьедестала — гора булыжника, словно каждый житель Пояркова положил в его подножие по камню.

Ровно 340 лет назад вышедшая из Якутска экспедиция Василия Пояркова прошла сначала по Лене и ее притокам, потом перевалила Становой хребет и по Зее вышла в Амур. После зимовки в устье Амура в навигацию 1645 года отважные сыны русского народа на утлых лодках выплыли в бурное Охотское море. А затем, дождавшись зимы, с Охотского побережья на лыжах экспедиция вернулась в Якутск, откуда начала свой путь. В историю русских географических открытий Василий Поярков и его товарищи вписали важную страницу беспримерного мужества. Они были первыми русскими мореходами в северо-западной части Тихого океана. Именно после их экспедиции во второй половине XVII века началось бурное исследование и освоение русскими бассейна Тихого океана, богатств Дальнего Востока.

А теперь о цели моего письма в «Огонек». Всегда ли мы с должным уважением относимся к памяти своих великих соотечественников? Мне не известно ни одно не только военное или ледокольное, но даже коммерческое и рыболовное судно, которое бы носило имя первого русского морехода на Тихом океане — Василия Пояркова. И памятников ему не поставлено, кроме как в поселке, носящем его имя. И давно не было никаких публикаций о нем.

Кому на руку такая забывчивость подвигов славных сынов русского народа? Чем она объясняется? Думаю, недостаточным знанием истории дальневосточных окраин нашей Родины, несовершенством учебников и исторических справочников.

Подвиг Василия Пояркова во славу России, нашей великой Родины нельзя предавать забвению. Деяния поярковцев, совершенные 340 лет тому назад, могут и должны служить делу патриотического воспитания молодежи. Поэтому честь и хвала поселковому Совету Пояркова на Амуре и местной общественности и за поставленный ими памятник Василию Пояркову, и за устроенные ими поярковские чтения, на которые приезжают научные работники даже из областного центра.

А. И. СТАДНИЧЕНКО,
кандидат географических наук,
персональный пенсионер

Памятник в поселке Поярково.

О ЛЮДЯХ ДОБРЫХ, ОТЗЫВЧИВЫХ

ВСЕГДА В СТРОЮ

Военврач Ф. Ломаченкова.

— Помню, я еще девчонкой впервые увидела женщину в белом халате да сразу же и решила связать свою жизнь с медициной. Профессия врача, возможность помочь людям стать на ноги тех, кто еще вчера был прикован к постели,— разве это не чудо-профессия? Свое восторженное отношение к медицине я пронесла через всю жизнь,— начала свой рассказ Фаина Федоровна Ломаченкова, ветеран здравоохранения, много лет заведовавшая физиотерапевтическим отделением Клинской районной больницы.

А жизнь она прожила трудную, интересную. Путь ее в медицину начался полвека назад, когда она поступила в Ленинградский медицинский техникум, который окончила с отличием. Потом Фаина Федоровна училась в Ленинградском медицинском институте, а в 1939 году, когда началась война с белофиннами, студентка Ломаченкова стала младшим врачом артиллерийского полка. Приходилось делать все: и операции, и переливание крови, и прививки. Зима стояла суровая, жили в землянках, палатках, блиндажах, так что не редки были случаи обморожения.

Война с белофиннами закончилась, и вновь начались занятия в институте. Недолгой была та мирная пора. Фаина Федоровна уже сдавала экзамены за последний курс, над Ленинградом стояли тихие белые ночи, и вдруг — война... Диплом она получала вместе с направлением на фронт военным врачом Ленинградского военного округа противовоздушной обороны.

...Трудные дни блокады. Артиллерийские обстрелы и бомбежки. Тринадцать — шестнадцать часов в сутки на ногах. Операции раненых в тяжелейших условиях. Такова была блокадная жизнь военврача Ф. Ф. Ломаченковой.

Весной 1942 года, когда Фаина Федоровна заболела дистрофией с частичной потерей зрения, ее эвакуировали через Ладожское озеро, направили на лечение в московский госпиталь. Недолго лечилась. И снова фронт, теперь уже в составе 183-й стрелковой дивизии, с которой военврач Ф. Ф. Ломаченкова прошла по дорогам войны вплоть до победного мая 1945 года. Трижды была ранена, награждена орденом Красной Звезды, боевыми медалями.

В послевоенные годы Фаина Федоровна работала в Закарпатье вместе со своим мужем, тоже ветераном войны. Участвовала в освоении целинных земель. Последнее время семья Ломаченковых живет в подмосковном городе Клин, где многие жители ее хорошо знают и уважают как опытного врача, отзывчивого человека. Сначала Фаина Федоровна работала цеховым врачом в клинском производственном объединении «Химволокно», потом, вплоть до ухода на заслуженный отдых, заведовала физиотерапевтическим отделением Клинской районной больницы.

...В квартире ветерана мы не спеша рассматриваем многочисленные фотографии, вырезки из газет и журналов, почетные грамоты, ордена, медали, благодарности Верховного Главнокомандующего.

Фаина Федоровна Ломаченкова и сейчас остается в строю, проводит большую военно-патриотическую работу среди населения.

Л. Н. ЗУБАЧЕВ,
младший сержант запаса

Клин
Московской обл.

ЧИТАТЕЛЬ— ЖУРНАЛ— ЧИТАТЕЛЬ

ПИСЬМО НЕ НАПЕЧАТАНО. МЕРЫ ПРИНЯТЫ.

В письме, адресованном редакции журнала «Огонек», читатель В. Я. Валлис высказал свое мнение о недостатках в работе комсомольской газеты «Падомью яунатне». Он также затронул вопрос о льготах участников Великой Отечественной войны, касающихся, в частности, прав первоочередного медицинского обслуживания.

Факты, изложенные в письме, при проверке подтвердились.

Редакции газеты «Падомью яунатне» рекомендовано активнее освещать подготовку к празднованию 40-летия Победы, участие латышских воинских формирований в защите Родины от немецко-фашистских захватчиков.

Б. Я. Валлис, как участник Великой Отечественной войны, пользуется льготами в получении медицинской помощи. Работниками 1-й Рижской городской поликлиники было нарушено право В. Я. Валлиса на внеочередное медицинское обслуживание, на что обращено внимание главного врача поликлиники Б. П. Ауструма.

Рижскому горисполкому поручено в месячный срок принять меры по улучшению обслуживания ветеранов войны и других лиц, которые пользуются льготами в медицинских учреждениях, предприятиях торговли и бытового обслуживания.

Е. РАЗГУЛЯЕВА,
секретарь Рижского горкома Компартии Латвии

* * *

По поводу письма М. И. Удаловой, обратившейся в «Огонек» с жалобой на антисанитарное состояние дворовой территории, отсутствие воды и ремонта в доме, исполком Ташкентского горсовета сообщает следующее.

В результате проверки с выездом на место факты, изложенные в письме, подтвердились. Приняты необходимые меры по их устранению. В настоящее время свалка мусора у дома ликвидирована, выстроены новые места общественного пользования, вода в доме имеется.

Б. БЕКМИРЗАЕВ,
заместитель председателя Ташкентского горисполкома

* * *

Исполком Келлеровского райсовета рассмотрел коллективное письмо жителей села Доброжановка с просьбой оказать помощь многодетной семье И. М. Дордюка. Мать семерых детей умерла в 1983 году, отец И. М. Дордюк с августа 1984 года находится на принудительном лечении в ЛТП от алкоголизма. Сообщаем, что Краснополянским сельсоветом и правлением колхоза «Заря» принимаются активные меры по улучшению материального положения и воспитанию детей.

Старшие дети, Василий и Николай, поступили в ПТУ в г. Челябинске. На полном государственном обеспечении находятся трое других детей, которые учатся в школе-интернате в селе Раздольное Кокчетавского района. Младшие, Иван и Сергей, устроены в школьном интернате Краснополянской средней школы и находятся на воспитании брата И. М. Дордюка, который работает в колхозе механизатором. Завершается строительство нового жилого дома для этой семьи.

Районный отдел народного образования, исполком сельсовета оказывают материальную помощь членам семьи И. М. Дордюка.

А. ВИСЕЛЬСКИЙ,
председатель райисполкома

с. Келлеровка
Кокчетавской обл.
Казахской ССР.

СОВЕЩАНИЕ СОБКОРОВ

В «Огоньке» прошло ежегодное совещание собственных корреспондентов журнала.

Редакция благодарит выступивших перед ними и сотрудниками редакции министра мелиорации и водного хозяйства СССР Н. Ф. Васильева, начальника Главного управления по вопросам агропромышленного комплекса Министерства сельского хозяйства СССР А. П. Завгороднего, заместителя директора Института Африки АН СССР А. М. Васильева, члена Совета по делам религий при Совете Министров СССР А. А. Нурулаева. Ими подсказан целый ряд проблемных тем, которые представят несомненный интерес для читателей журнала.

●

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ

Дорогая редакция, посылаю вам вырезку из газеты «Киришский факел». В трех номерах подряд было помещено вот это объявление, призывавшее истреблять кошек и собак, наших меньших братьев, лекарей без дипломов, как недавно писал о них «Огонек». Чему же научатся дети, прочитав такое объявление! Думаю, что мои комментарии не нужны, а мнение руководителей редакции «Киришского факела» хотелось бы услышать.

Н. КОРЖИНСКАЯ

Кириши
Ленинградской обл.

Киришское городское производственное управление бытового обслуживания населения принимает на выделку шкурки домашних животных:

овчина, кролик, нутрия, кошка, собака.

Обращаться по адресу: бульвар Молодежный, 13. Телефон 245-64.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

ЕСЛИ БЫ МУЖЧИНЫ БЫЛИ...

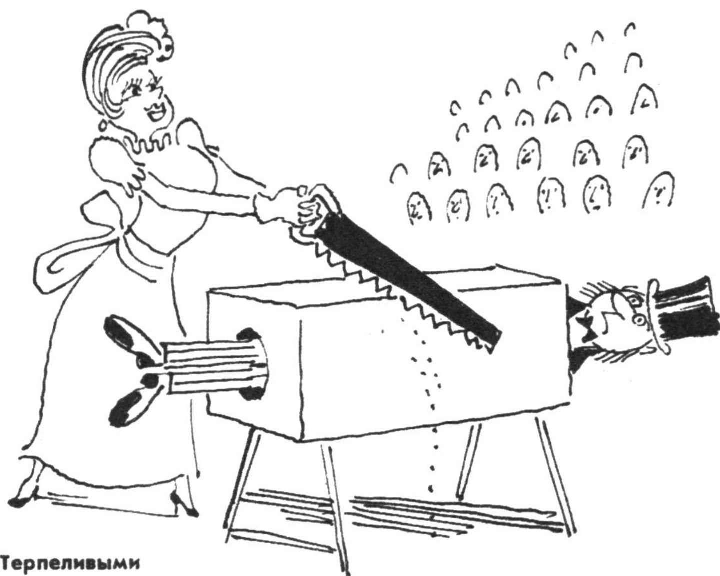
...Работящими

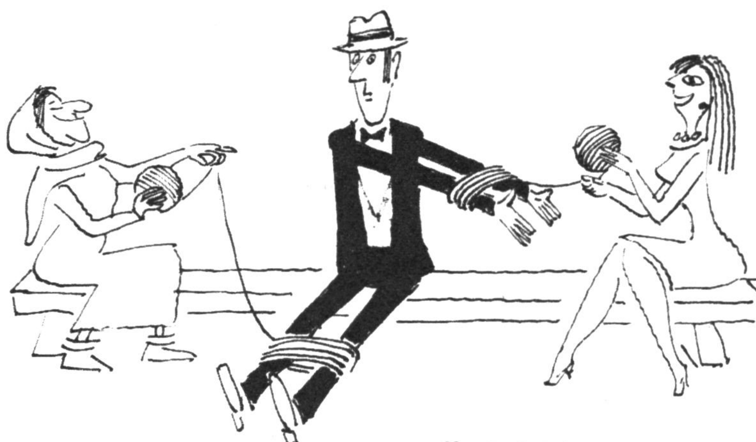
...Бесстрашными

...Уравновешенными

...Терпеливыми

...Усидчивыми

ПРОШЕДШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Артур ЗАРИКОВСКИЙ

Царь-Горох очень любил шутить. У него все были шутами гороховыми.

Естественно, что Кащей Бессмертный жив и сейчас. Но где живет и чем питается — неизвестно.

Одна женщина, принципиально не выходившая замуж, встретилась с убежденным холостяком. Их взгляды на брак сходились. Они понимали друг друга в главном. Им было хорошо вместе. Они поженились.

ФРАЗЫ

Работа бывает интересной, когда на ней трудятся интересные женщины.

Е. ТАРАСОВ

Чтобы ослабить мнение жены, раздели его.

А. АНИСЕНКО

Чтобы найти в женщине изюминку, ее нередко разбирают по косточкам.

Последний крик не за модой, а за мужем модницы.

Б. ЛИСИЧЕНКО

Берегите женщин — неиссякаемый источник мужского труда!

Семейный микроклимат: жена делает погоду, муж акклиматизируется.

А. РАТНЕР,
Ленинград

КРОССВОРД

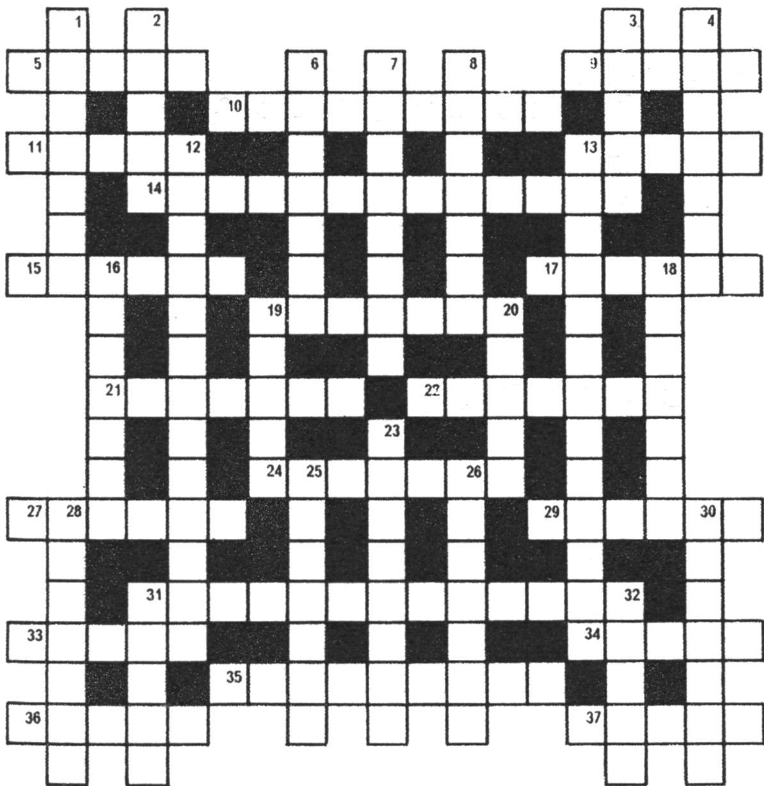
По горизонтали: 5. Народная писательница Латвии. 9. Спортивный инвентарь для упражнений в художественной гимнастике. 10. Народное хозяйство страны. 11. Воодушевление, энтузиазм. 13. Афро-кубинский народный танец. 14. Стихотворение В. В. Маяковского. 15. Вид деревянного дивана в парке, саду. 17. Ударный музыкальный инструмент, литавры. 19. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко». 21. Проявление глубокого уважения, признания. 22. Женщина-пилот. 24. Персонаж оперы Д. Верди «Аида». 27. Писатель, один из основоположников советской детской литературы. 29. Домашнее животное. 31. Воплощение в действительность. 33. Павильон, торговая палатка. 34. Наклейка на товаре со специальными сведениями о нем. 35. Игра в ответы на вопросы. 36. Предварительное объявление о спектакле, лекции. 37. Образец, покрой платья, шляпы.

По вертикали: 1. Декоративное травянистое растение, цветок. 2. Начало реки, родник. 3. Упряжь. 4. Остров в Индонезии. 6. Тонкая непряденая нить. 7. Разновидность куницы, обитающая в тайге, тундре. 8. Народный артист СССР, выступавший во МХАТе, педагог. 12. Курорт в Архангельской области. 13. Наука о действии ионизирующих излучений на организмы. 16. Трехсложная стихотворная стопа. 18. Советская спортсменка, неоднократная олимпийская чемпионка в гребле на байдарках. 19. Картина А. А. Пластова. 20. Песня-импровизация в состязании акынов Средней Азии и Казахстана. 23. Электровакуумная лампа. 25. Узорчатая полоска, род вышивки. 26. Поэтический жанр. 28. Роман Жорж Санд. 30. Декабрист, участник Отечественной войны 1812 года. 31. Лиственное дерево. 32. Певец, народный артист СССР, солист Ереванского театра имени Спендиарова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали: 3. Талалихин. 5. Вокзал. 6. Романс. 8. Аист. 9. Полковник. 12. Врач. 14. Каракас. 15. Жадов. 17. Лангуст. 18. Радиомаяк. 19. Совещание. 20. Карабин. 22. Вента. 23. Туполев. 25. Изар. 26. Конденсор. 29. Гать. 30. Танеев. 32. Мичман. 34. Аспиратор.

По вертикали: 1. Василек. 2. Жигарев. 3. Танк. 4. Нота. 5. Виток. 7. Севан. 8. Амаравати. 9. Посланник. 10. Отделение. 11. Кильватер. 13. Числитель. 15. Жуков. 16. Веста. 21. Берет. 24. Погон. 27. Дивизия. 28. Номинал. 31. Ниша. 33. Моор.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Певица Тамара Гвердцители. (См. в номере материал «Дар».)

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Старочеркасский историко-архитектурный музей-заповедник. (См. в номере материал «Хранить вечно».)

Фото А. МАСЛОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

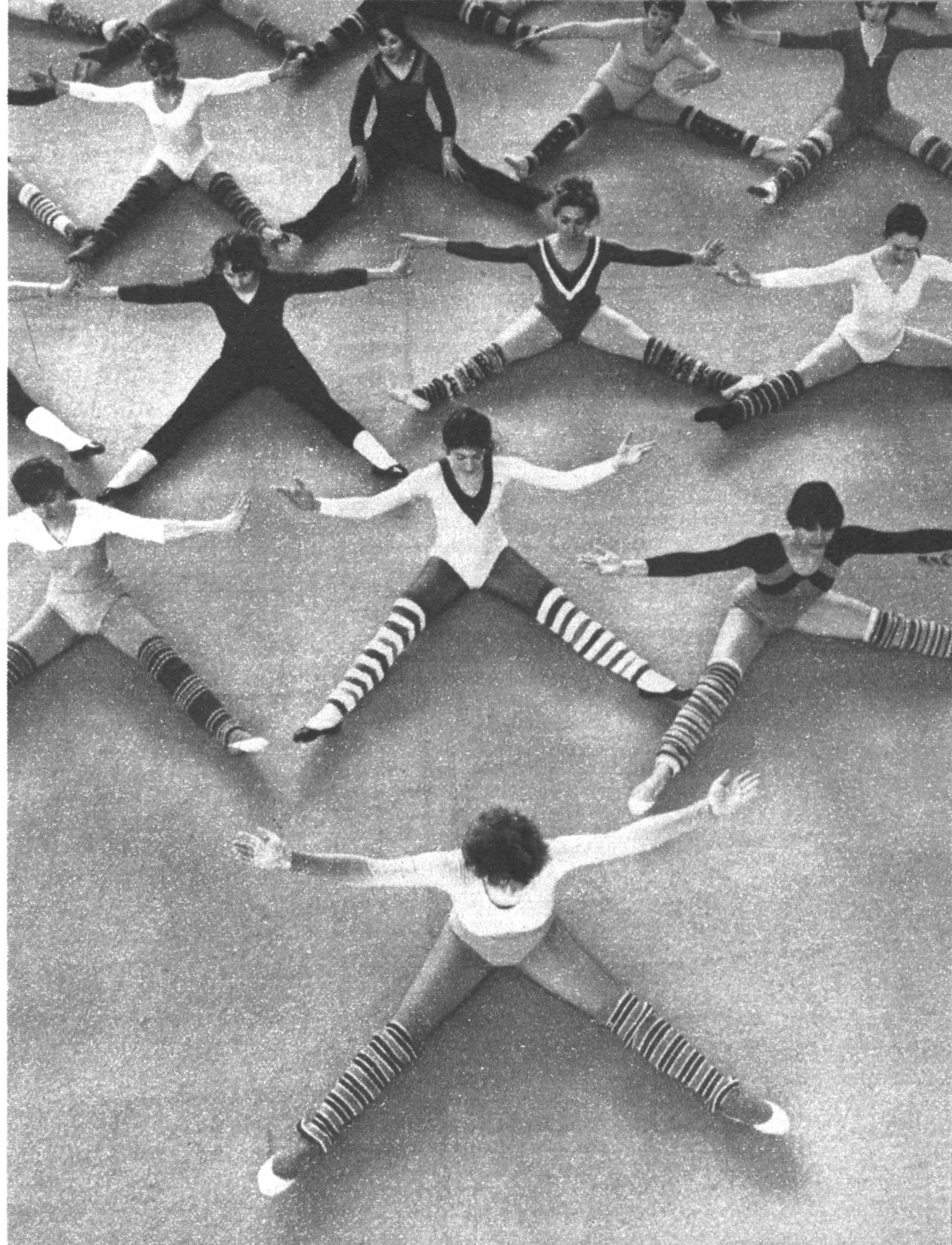
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 11.02.85. Подписано к печати 26.02.85. А 00328. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 596. Заказ № 145.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Занятия по аэробике в Московском институте нефтехимической и газовой промышленности имени И. М. Губкина.

АЭРОБИКА — ФЕНОМЕН?

Фото А. БОЧИНИНА

Поистине с космической скоростью ворвалась аэробика — одна из разновидностей ритмической гимнастики — в нашу жизнь, завоевала место в программах телевидения, вызвала пристальное внимание тренеров, врачей, ученых и, наконец, многих и многих девушек и женщин.

Всего за один год, с того дня, когда гимнастки Московского института нефтехимической и газовой промышленности имени И. М. Губкина продемонстрировали на телевидении занятия по аэробике, появилось множество тренировочных групп, проведено несколько теоретических семинаров, а в ближайшее время в Тбилиси состоится первый праздник поклонниц женской ритмической гимнастики, на который приглашены гимнастки Москвы и Тарту.

Выбор гостей не случаен: именно с двумя этими городами связано появление этих увлекательных физкультурных упражнений. В Тартуском университете с незапамятных времен работает школа движения, и многие поколения студенток с увлечением занимаются ритмической гимнастикой, предпочитая ее другим видам физкультуры. А в Московском институте нефтехимической и газовой промышленности ритмическая гимнастика вот уже пятнадцать лет как включена в учебную программу кафедры физического воспитания.

Преподавательница кафедры Светлана Васильевна Крамина отдала много сил развитию этого массового варианта художественной гимнастики, доступной каждой девушке. Студентки I и II кур-

сов института занимаются ритмической гимнастикой дважды в неделю, а старшекурсницы — раз в неделю, но многие из них становятся рьяными помощницами Краминой и проводят в спортивном зале значительно больше времени.

Вот на основе своей системы занятий ритмической гимнастикой Светлана Васильевна несколько лет назад и организовала первые учебные группы по аэробике. В чем же разница между ритмической гимнастикой и аэробикой? Ведь в основе и той и другой лежат гимнастические упражнения, которые выполняются под музыку. Но различие есть. Занятия аэробикой проводятся в значительно более стремительном темпе, под аккомпанемент современных музыкальных ритмов и притом в течение целого часа без малейшего перерыва. На занятиях аэробики рояль сменил магнитофон, какой же аккомпаниатор может выдержать такую большую нагрузку! А вот тренеры такую нагрузку должны выдерживать: они ведут занятия, выполняя все упражнения наравне со своими ученицами и притом еще импровизируя на ходу, что также является одной из отличительных черт аэробики.

Посетив спортивный зал института, мы видели, как проходили занятия одной из многочисленных групп и как Светлана Васильевна Крамина, словно призывая своих учениц делать, как она, выполняла наравне с ними все упражнения, поддерживала один и тот же стремительный, зажигательный темп. А когда мы спросили ее, откуда же она берет силы, ведь в течение дня ей приходится заниматься с несколькими группами (ритмической гимнастикой увлекаются более пятисот студенток, а теперь к ним прибавились преподавательницы и сотрудницы института), Светлана Васильевна объяснила нам, что ей теперь помогают еще три тренера — все ее ученицы, что одна из них, Марина Михайловна Белецкая, окончила институт, четыре года работала по специальности и поняла, что ее истинное призвание — труд тренера. А кроме трех штатных помощниц, Светлане Васильевне помогают еще и студентки старших курсов, проводят занятия с новичками.

Огромная нагрузка падает на тренеров аэробики, ведь занятия проходят при 120—130 музыкальных акцентах в минуту и требуют от них большого эмоционального подъема, огромной выносливости. Почему же аэробика считается женским видом физкультуры? Против этого все настойчивее возражают мужчины. Светлана Васильевна рассказала нам, что как-то по просьбе регбистов провела с ними занятие, и они признались, что такую нагрузку без предварительной подготовки им выдержать трудно.

— Да и наши студенты,— сказала Крамина,— все настойчивее возражают против их дискриминации и требуют организовать мужские группы. Так новая разновидность ритмической гимнастики — аэробика всего за один год получила широкое распространение в нашей стране.

В. ЯКОВЛЕВ

Ученицы Светланы Васильевны Краминой.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663